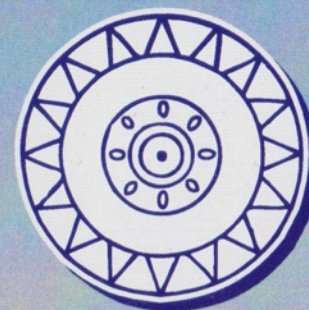

Из глубин

земли Камчатки

Фольклорно-этнографические
экспедиции в Пенжинский район

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский центр народного творчества»

Нематериальное культурное наследие народов Камчатки

«Из глубин земли Камчатки»

Фольклорно-этнографические экспедиции в Пенжинский район

Нижний Новгород
2017 год

УДК 39 (571.66) (082)
ББК 63.529 (2Рос - 4Кач) я43

Фольклорно-этнографические экспедиции в Пенжинский район: этнографический сборник/ М.Е. Беляева, А.А.Сорокин, сост. М.Е. Беляева. – Нижний Новгород: типография ИП Кузнецов, 2017. - 60с.

Этнографический сборник содержит научные, информационные, иллюстративные материалы, собранные во время фольклорно-этнографических экспедиций в Пенжинский район. Сборник будет интересен работникам культуры, фольклористам и всем, кто интересуется творчеством коренных малочисленных народов Севера.

Фото: из архива Камчатского центра народного творчества

ISBN 978-5-9907377-2-3

© КГБУ «Камчатский центр народного творчества»

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Введение	4
2. Современное состояние фольклора в Пенжинском районе	5
3. Народная проза.....	10
- Сказки, дошедшие до нас.....	10
- Несказочная проза	21
4. Из дневников наших земляков.....	27
- Нина Милгичил.....	27
- Матвей Долган	31

ВВЕДЕНИЕ

Мы продолжаем серию изданий «Из глубин земли Камчатки» с материалами фольклорно-этнографических экспедиций на север Камчатского края. Основная цель наших поездок, как и прежде, заключается в том, чтобы сохранить удивительные фольклорные богатства коренных народов полуострова, уникальность традиций и обычаев предков, сберечь творческое наследие прошлых веков, а также посетить места ведения традиционного бытования коренных народов Камчатки.

В 2012, 2014, 2016 годах творческо-научный десант Камчатского центра народного творчества посетил села Пенжинского района: Каменское, Манилы, Таловка, Аянка, Слаутное. За эти годы удалось собрать ценный материал: записать информантов, провести творческие лаборатории, мастер-классы по национальной хореографии и декоративно-прикладному искусству, оказать методическую и консультационную помощь работникам культуры.

В ходе фольклорно-этнографических экспедиций сотрудники Камчатского центра народного творчества собрали материал о жизни, быте, традициях, песенном и устном творчестве оленных (чавчувены) и береговых (нымыланов) коряков, чукчей, эвенов Пенжинского района. Были записаны старейшины в селах Манилы, Слаутное, Аянка, Каменское, Таловка.

Сборник ценен еще и тем, что записи аутентичных материалов устного творчества сделаны на языке носителей традиционной культуры, что очень важно для фольклорного текста. В сборник также вошли материалы, которые нам предоставили жители этого района.

Цитата Г.Г. Поротова «Из глубин земли Камчатки» венчает цикл сборников о фольклорно-этнографических экспедициях в районы Камчатского края, это уже третий сборник, который вы сейчас держите в руках. Надеемся, что он откроет вам много нового, интересного, а главное полезного из жизни коренных жителей полуострова.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ПЕНЖИНСКОМ РАЙОНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕДИЦИЙ В XXI ВЕКЕ)

*Беляева Мария Евгеньевна,
заведующая отделом сохранения
нематериального культурного
наследия КГБУ «Камчатский центр
народного творчества»*

В данной статье представлены материалы, записанные во время фольклорно-этнографических экспедиций в национальные села Манилы, Каменское, Таловка, Аянка, Слаутное Пенжинского района в 2012, 2014, 2016 годах. Пенжинский район один из самых отдаленных районов Камчатского края. Он граничит на севере с Магаданской областью и Чукотским автономным округом. Этот район стоит на пересечении дорог, которые ранее осваивали первые землепроходцы, путешественники, исследователи, здесь прошли предки камчатских эвенов в поисках лучших мест. Перед нашей экспедиционной группой стала задача — фиксация всего духовного богатства, что осталась еще в народной памяти, обрядов и ритуалов, что еще бытуют в глубинке, предметов быта и труда, сакральных вещей, что остались в семьях от предков.

Наибольшее количество образцов устного народного творчества записаны нами от старейшин — людей, родившихся и выросших в традиционной среде. Чаще всего они рассказывали на своем родном языке, что для фольклорного текста является очень важным, так как такой текст является аутентичным.

Современный повествовательный фольклор коряков представлен двумя пластами: сказочным и несказочным. В исполнении информантов прозвучали сказки Вороньего цикла, сюжеты сказок вне этого цикла, повествовательные жанры, представляющие контаминированные сюжеты сказок с другими жанрами. Из жанров несказочной прозы остались в памяти космогонические предания о сотворении земли, о потопе, мифологические рассказы.

Информанты указывали, что все эти сказки они слышали от своих бабушек, дедушек. В настоящее время, по нашим наблюдениям, отдельные сюжеты еще бытуют в среде аборигенов.

Как показывают материалы, собранные в ходе экспедиций, в хорошей сохранности остается Вороний цикл. Большая часть материалов записана на разных диалектах носителей языка, что представляет трудности с переводом и долгой обработкой материалов. Все публикуемые записи печатаются без какой бы то ни было фонетической и лексической обработки, соблюдается принцип аутентичности материала.

В целом современное устное народное творчество коряков представляет фонд разножанровых и контаминированных произведений. Сегодня сказки коренных народов Камчатки вызывают огромный интерес со стороны молодого

поколения, представителей других национальностей. Публикуются сборники, содержащие сказочную прозу, проводятся конкурсы сказителей.

В экспедициях мы пытались определить состояние обрядовых праздников в национальных селах Пенжинского района. В наши дни традиционные обряды хозяйственно-бытового цикла в том виде, в каком они бытовали раньше, уже не встречаются. Они трансформировались в массовые праздники, часто с включением в них основных обрядовых звеньев и проводят их работники культуры. Среди календарных обрядов пока еще сохранился обряд «Первой рыбы», возможно благодаря тому, что этот праздник внесен законом Камчатского края в реестр краевых мероприятий и финансируется по отдельным программам. В Пенжинском районе нам не удалось его зафиксировать, так как наши экспедиции на север проходили не в летнее время, когда проводится этот обряд. Мы записали рассказ об этом празднике со слов работников культуры и старейшин, которые проводят эти обряды.

Обрядовые праздники оленных и береговых коряков, камчатских эвенов и чукчей остались только в памяти носителей традиционных знаний. Етувье Иван Вачакович, чукча 1939 года рождения, проживающий в с. Аянка Пенжинского района вспоминал: *«Когда я был маленький, я видел, как эвены делали плотик из коры дерева и что-то туда клали, и отпускали его в воду, еду они ложили. Это они так реку почитали. У них в верховьях Пенжины стоябище было».*

Милгичил Нина Николаевна, 1953 года рождения, береговая корячка, уроженка с. Микино Пенжинского района, рассказала об обряде с волком, который проводили в с. Манилы Пенжинского района в конце 70-х начале 80-х гг. XX в. Мужчины, отстреливавшие волков, привозили животных в село и отдавали женщинам. Женщины шли в тундру, собирали траву и начинали снимать шкуру с волков, приговаривая при этом: *«Мы приготовили новую кухлянку, будем одевать ее».* Сняв шкуру, они на тушу волка аккуратно складывали траву, просили его не сердиться на них, ведь они такую красивую кухлянку дали ему взамен.

Майнеле Григорий Чеухейевич, чукча, 1937 года рождения рассказал о чукотских праздниках: новый год по-чукотскому календарю, Кильвей, которые проводили в оленеводческих звеньях (с. Аянка) вплоть до начала 1990-х годов.

Оленеводы во всех населенных пунктах Пенжинского района, где побывала наша экспедиционная группа, рассказывали о праздник оленных коряков, чукчей: уход на летовку, возвращение с летовки, новый год — Гынулэв'ыт, поминательные дни и многое другое. Они с грустью вспоминали те времена, когда они ходили по тундре, пасли оленей, проводили свои обряды и ритуалы.

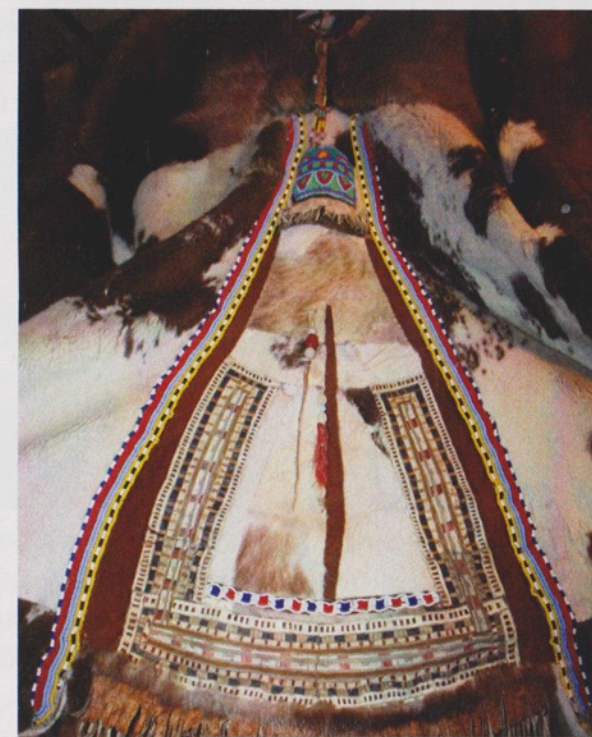
Старейшина с. Слаутное Савина Любовь Хояттовна, 1938 года рождения, оленяная корячка (чавчувенка) рассказала нам о своей жизни в оленеводческих звеньях, когда она с родителями кочевала по тундре. Любовь Хояттовна сказала: *«Я горда тем, что я южная корячка. Когда-то мои родители перекочевали с юга Камчатки на север, на Чукотку. Я родилась в Ваегах, Чукотского округа, но всегда знала, что мои предки с юга».* Родственники Любовь Хояттовны сейчас живут в с. Воямполка Тигильского района. Все они Иныловы, известные оленеводы в Корякском округе.

Эвены, которые пришли на Камчатку предположительно в начале XIX в., расселились компактно в селах Аянка, Оклан Пенжинского района. Об их обрядовых праздниках более подробной информации нам не удалось получить, представители этого народа рассказывали нам о праздниках коряков и чукчей. На родном эвенском языке сегодня говорят в основном только старейшины. Изменилась у них и одежда. Сегодня эвены предпочитают одевать корякские кухлянки, но в некоторых семьях сохранилась эвенская одежда, которую одевают только на праздники. В отличие от корякско-чукотской кухлянки, она состоит из кафтана и фартука, можно встретить и шапочки. Одежда очень красивая, украшена большим количеством бисера и вышивкой подшейным волосом оленя. В селах Манилы

и Каменское нам удалось увидеть необычные кухлянки. Эвенские и корякские мастерицы вшили в переднюю часть кухлянки эвенский фартук, и получилось очень красивая верхняя одежда. Как объяснили мастерицы, на побережье Пенжинского района очень сильные пурги и ходить в кафтанах неудобно. Корякская кухлянка, одежда глухого типа и очень хорошо защищает от порывов ветра. Вот так погода трансформировала одежду коряков и эвенов. Большие коллекции одежды, предметов быта собраны в районном краеведческом музее и музее этнокультурного центра «Дорова» в с. Каменском, музее при сельском доме культуры с. Слаутного. Работники этих учреждений стараются сохранить материальное наследие коренных малочисленных народов севера.

В задачу наших экспедиционных поездок входит не только фиксация наследия северян, но и методическая, и практическая помощь творческим коллективам сельских домов культуры. Сегодня активно идет возрождение не только обрядовых праздников, но и песенной и танцевальной культуры. В сельских домах действуют самодеятельные коллективы не только с большой опытом и историей, но и совсем юные.

Ансамбль «Факел» известный коллектив в Пенжинском районе. Дата рождения танцевально-хорового ансамбля «Факел» декабрь 1950 года. Это то время, когда у малочисленных народов появились свои дипломированные хореографы, балетмейстеры, которые обратились к самобытному национальному искусству. Это был период расцвета народного творчества. Нина Николаевна Милгичил после окончания Биробиджанского культпросветучилища вернулась в родные Манилы и возглавила коллектив, приняв его от основательницы ансамбля Айгине Аттоят. «Проводы медведя», Встреча белухи», «Танец шамана», «Возвращение с летовки» через эти постановки Нины Николаевны есть возможность заглянуть в далёкое прошлое коряков, их обычаи и традиции.

В с. Таловка культуру малочисленных народов севера популяризирует фольклорный семейный ансамбль «Истоки», образованный в апреле 1974 года Марией Николаевной Коялхот. Этот коллектив познакомил с культурой оленных коряков и чукчей не только жителей Камчатки, а также прекрасное искусство северян увидели зрители за рубежом: в Италии. Сегодня коллектив возглавляет старшая дочь Марии Николаевны Лилия Кияв.

В с. Аянка есть совсем молодой коллектив «Дружба». Ребята с интересом изучают историю своего села, традиции и культуру народов, живущих в селе.

Директор дома культуры Марина Ильинична, балетмейстеры Татьяна Броженко и Алена Алина с энтузиазмом взялись за постановки хореографических и вокальных номеров, с привлечением старейшин с. Аянки. И этот порыв подхватили все жители этого маленького северного поселка.

В с. Слаутное ансамбль «Слаутяночка» возглавила совсем молодой балетмейстер Алевтина Уревна. И хотя коллектив только начинает делать свои первые шаги, но он уже известен в районе. Они стараются выезжать в близлежащие села с концертными выступлениями. Большой плюс этого коллектива в том, что у них есть самобытный талантливый музыкальный руководитель Юрий Толтын. Этот тандем двух талантливых людей позволил за короткое время поднять танцевальную культуру в селе. Люди потянулись в дом культуры, а дети – участники ансамбля с удовольствием прибегают в клуб на репетиции. Здесь они знакомятся с культурой своих предков, учатся петь и танцевать как их дедушки и бабушки.

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций позволяют сделать следующие выводы:

1) народное творчество коренных народов Камчатки на современной стадии переживает сложные процессы трансформации. В связи с постепенным уходом языка из бытовой жизни аборигенов Камчатки, уходом старейшин исчезает и традиция бытования фольклорных произведений. Мы имеем опыт организации конкурсов исполнителей сказок на языках коренных народов Севера, которые проводятся в целях сохранения языка и культуры народов и может считаться положительным. Однако заметим, что это несколько искусственная ситуация для исполнения. Присутствие многих слушателей, членов жюри конкурса заставляет по-иному представлять структуру сказки, нередко приспосабливаясь к условиям конкурса;

2) обрядовая культура сохраняется еще там, где ведется традиционная хозяйственная деятельность аборигенов, обряды, сформированные еще в древности на основании этой деятельности, до сих пор частично сохраняются и ежегодно воспроизводятся. А там, где эта традиционная деятельность утрачена частично, или полностью, там бывшие обряды превратились в обрядовые праздники и массовые мероприятия праздничного характера;

3) сами коренные жители Камчатки, понимая духовную значимость своей культуры, всячески способствуют сохранению этих обрядов в любой форме их проявлении.

Собранные нами материалы, как нам представляется, будут интересны для дальнейших научных исследований.

НАРОДНАЯ ПРОЗА

Сказки, дошедшие до нас

*Сорокин Анатолий Анатольевич,
ведущий методист отдела сохранения
нематериального культурного наследия
КГБУ «Камчатский центр народного творчества»*

В данном разделе вашему вниманию представлены сказки как на корякском языке (пареньский и каменский диалекты), так и на русском языке, которые были записаны во время фольклорно-этнографических экспедиций сотрудников КГБУ «Камчатский центр народного творчества» в отдаленных селах Пенжинского района Камчатского края. Обработанный фольклорный материал включает в себя три сказки, изложенные на корякском языке, сопровождаемые русским построчным переводом с максимально точной сохранностью строя предложения. Помимо этого, здесь также приведены две сказки, изложенные самим информантом на русском языке. Несмотря на отсутствие текстов этих сказок на родном языке, они нисколько не теряют ценности в плане содержания, из которого каждый читающий почерпнет для себя что-то определенное.

Мы сохранили языковой материал, рассказанный информантами, в оригинальном виде, не подвергнув тексты литературной обработке, что, в свою очередь, позволит придать текстам научный интерес, который будет полезен как специалистам в области лингвистики, фольклора, так и этнографии, а также всем тем, кто увлекается историей и культурой малочисленных народов Камчатки. Следует отметить, что обработка подобных записей весьма трудоемкий процесс, отнимающий большое количество времени и точности в передаче не только самих форм и особенностей диалектов корякского языка, но и значения, заложенного в словах указанных диалектов корякского языка. Все тексты на родном языке приводятся согласно правилам и стандартам графики литературного корякского языка, тем не менее в этих текстах можно увидеть и отличительные черты как пареньского, так и каменского диалектов. Неоценимая консультационная помощь в работе над текстами была оказана Аслаповой Лилией Александровной, носителю культуры чукотского народа родом из села Ачайва-ям Олюторского района.

*Текст на корякском языке
(каменский диалект)*

Ѓуйкынняко то Камакнако

1. Ѓыммо Милгичил Нина Николаевна, Таќќатин ѓавакык. 2. Ѓымнин нынны Тыг'атты. 3. Мытвын лымъыль Камакнако и Ѓуйкынняко. 4. Ѓнъыг'ан нытванвуќин ѓазей Ѓуйкынняко, Мити. 5. Ѓннанычау эвын:
- 6. Гаво, мыог'ыу Камакнако, миняйчик ѓазен Камакнако.
7. Камакнако мачави: 8. «А-а, ќыятгэ, ќыялќивги! 9. Миќакин иняйчик гэннивуо? 10. Ѓыялќивги».
11. Ялќиви ѓазен Ѓуйкынняко.
12. Камакнако ѓазен ѓавасќэтыу эвын: «Ам, ќыятгын ќамайыс'ын». 13. Ѓывонин ќамитвак. 14. Зянотыу ѓазен гатваннин гамынгав' ќамайыс'ыу. 15. Ѓазен Ѓуйкынняко: «Ањэ-э, кинуув'ав', яќ кинуув'ав' котвау?! 16. Мынув'нав'».
17. Ѓывонин, только акминнин ѓазен ќамайыс'ын, ѓазев' ныникакинэв' гамынгав', акминнин гамынгав', ѓазев' кинуув'ав' ныг'аллай. 18. Нымезиурави ѓазен Камакнако. 19. Ѓывой ав'зик Ѓуйкынняко. 20. «Васќин. Ѓыятгын ѓазен вас г'ывынг'у!» – ѓазен кивыу.
21. Ѓавысќата гайеналин ѓазен киликил.
- 22. Г'ывынг'у. В'ото ќыг'ывынг'уги!
23. Ѓанќо ќамайыс'ык гастилнин ѓазен никав'в'и ымын пипиу ав'ынзиузима и пилг'атќинав'.
- 24. Тыяг'ывынг'уу! – Ѓуйкынняко эвын.
25. Акминнин ѓазен, ѓазэ г'ывынг'у

Милгичил Нина Николаевна, корячка-нымыланка, родилась 16.12.1952 г. в с. Микино Пенжинского района

Запись произведена 26.05.2012 г. в с. Манилы Пенжинского района.

Перевод на русский язык

Куйкынняко и Мамонт

1. Я Милгичил Нина Николаевна, у Таќќат дочь. 2. Мое имя Тыг'атты. 3. Расскажу сказку Мамонт и Куйкынняко. 4. Вот так были эти Куйкынняко, Мити. 5. Однажды говорит:
- 6. Ну-ка, схожу к Мамонту, в гости схожу к тому Мамонту.
7. Мамонт говорит: 8. «А-а, заходи, проходи! 9. Откуда гостить пришел? 10. Заходи».
11. Зашел тот Куйкынняко.
12. Мамонт тот жене говорит: «Ну-ка, подай блюдо». 13. Начала ставить тарелку. 14. Сначала этих положила тритонов в тарелку. 15. Тот Куйкынняко: «Ох ты, мясо, какое мясо это?! 16. Съем-ка».
17. Начал, только взял эту тарелку, этих, как их, тритонов, взял тритонов, они мясом стали. 18. Удивился тот Мамонт. 19. Начал есть Куйкынняко. 20. «Другое. Принеси другое, ягоду!» – этот говорит.
21. Жена дала киликил.
- 22. Ягода. Вот, покушай ягоду!
23. Там в тарелке положила, как же их, пепел с золой и поставила.
- 24. Съем-ка ягоду! – Куйкынняко говорит.
25. Взял эти, те ягоды

ныг'аллай зетту. 26. Ывой зеттук. 27. Камакнаҗо Һазен: «Һызиҗтыҗин! Эҗыко-о, Һызиҗтыҗин Җуйкыннаҗо!»

28. Акминнин Һазен гатти, Һывонин никак, эвыҗ:

– Яво-ат.

– 29. Ток, җайлём! – Җуйкыннаҗо эвыҗ. – Тав'зик. Эҗчи-ван Һыммо мыайтыкыҗ.

30. Ывой Һыток:

– 31. Җонпыҗ-җон г'опта Һиняйичиҗывота, Камакнаҗо!

– 32. Э-э-э. 33. Гаймат итиняйичгыҗ. 34. И-и-и.

35. Ывой Һыток Җуйкыннаҗо, Һазен Камакнаҗо Һакмиллин гаттипыҗ, зиҗлинин, чиймати Һазен җун гатти.

36. Һазен Камакнаҗо:

– 37. Э-э-э. Зиҗлэк вэтатык тыяван, зяҗам ынки чиймати.

38. Мезиҗтави. 39. Һытой Һазен Җуйкыннаҗо, җйтэ. 40. Җонпы Һанҗо Камакнаҗо Һывой Һоюлг'атык.

41. Уйҗа уҗалка, уйҗа аяхка, гачиҗлинин аветача, атаминьҗача. 42. Уйҗа уҗалка, аҗҗави, зяҗам ынҗыг'ан Һытваҗвоҗҗин, ыг'ак Һывой Һыток. 43. Ыннаныҗаҗ ыг'ак Һазен эвыҗ Һавысҗатыҗ:

– 44. Аме-ам, ачиҗнин малати, гаймат уйҗа айвыгачэ?

– 45. Уйҗа айвыгачэ, зяҗам-ат Һамалмалаллин.

– 46. И-и-и.

47. Һазен җутэ Камакнаҗо. 48. Тэллитон тав'аҗи, тэлли пыче малеҗҗга тэллитэл тыв'аҗтаҗи, г'ав'асви Һачҗытойтыҗ, амалькатамка. 49. Васҗин ыг'ак Һытой. 50. Тиллитил ынтивлатыҗ, амалькатамка, уйҗа айвыгачэ. 51. Тав'аҗи Һазен Камакнаҗо, тылай мелҗыҗ, җытав'ыт ивиҗюг'и. 52. Акминнин Һазен пыг'апыҗлгыҗ акминнин, ав'ыноттыма Һазен Камакнаҗо Һанҗо ынки инҗати. 53. Җуйкыннаҗо заак. 54. Һазен Җуйкыннаҗо Һытой, мезиҗ... зяҗлин висгусгатиҗкыҗ?

55. Һытой. 56. Ынке уттиг'ут Һомалчвипелин, Һыйилтилҗин Һазен

превратились в морошку. 26. Начал есть морошку. 27. Мамонт тот: «Волшебный! Вот это да, волшебный Куйкыннаҗо!»

28. Взял тот топор, начал, как это, говорит:

– Погоди.

– 29. Вот, спасибо! – Куйкыннаҗо говорит.

– Поел. Теперь я домой пойду.

30. Начал выходить:

– 31. Хоть всегда тоже заходи в гости, Мамонт!

– 32. Да. 33. Может и приду в гости. 34. Ага.

35. Начал выходить Куйкыннаҗо, тот Мамонт взял топорик, кинул, сломался тот топор.

36. Этот Мамонт:

– 37. Да уж. Долго в работе пользовался, теперь вот сломался.

38. Удивился. 39. Вышел тот Куйкыннаҗо, домой вернулся. 40. Все время там Мамонт начал думать.

41. Не собирает дрова, ничего не делает, перестал работать, заниматься резьбу по дереву. 42. Дров не приносит, бросил, прям так стал жить, потом решил выйти. 43. Однажды, потом он говорит жене:

– 44. Слушай, погода прояснилась, может не дует западный ветер?

– 45. Нет, не дует западный ветер, прям вообще хорошо прояснилась погода.

– 46. А-а-а.

47. Тот встал Мамонт. 48. К двери приоткрыл, дверь пока слегка дверь приоткрыл, ясно на улице, очень чисто. 49. Потом вдруг вышел. 50. Дверь оставил приоткрытой, ясно, не дует западный ветер. 51. Открыл дверь тот Мамонт, подошел к юкольному, как дунет. 52. Схватился тот за сухую траву схватил с кустами деревьев тот Мамонт и туда унесло. 53. Куйкыннаҗо дома. 54. Тот Куйкыннаҗо вышел, удивился... куда солнце делось?

55. Вышел. 56. Там дерево отломано, лежит тот Мамонт дерево

Камакнаҗо уттиг'ут Һамалакмилинин.

– 57. О-о-о, иняйичгыҗ ятти, Камакнаҗо! 58. И-и-и, җэйлем уҗалли.

– 59. Уйҗа, уйҗа, нанкугыҗ! Уйҗа уҗалка!

– 60. Ток, җыялҗивги!

61. Ныв'аюлг'атгыҗ, аҗ ныҗалгалҗин.

– 62. Җызем, гаймат неназейнанмыҗ.

– 63. Уйҗа, амыҗ Һыммо тиняйичик, уйҗа ахка титык.

64. Һазен зялҗиви Камакнаҗо, тилликагыҗгыҗки вагали. 65. Һазен Җуйкыннаҗо эвыҗ:

– 66. Мите, ам менно җамайысг'ын?

67. Иняйичг'алг'ыл ятти.

68. Һазен нантвалнин ынки Һазев' җамайысг'ын Һамынгонҗин. 69. Һазен эвыҗ Камакнаҗо:

– 70. Җызим, җызим, җызем, чемоч, а то Һыанугыҗ!

71. Һазен Җуйкыннаҗо:

– 72. Уйҗа Һамынҗав'гыҗнык инануйгыҗ Һымык. 73. Һыммо анука.

– 74. Җызем, чемоч!

– 75. Ток, җыг'ывнг'у!

76. Һазен Митинак ынки зятвелнин Һыпилг'атҗин Һазен җамайысг'ын. 77. Һазен никата Һаисгаллин зиҗзиҗ ав'ынпиҗпиҗ... пиҗпиҗ ав'ынзиҗма. 78. И-и-и.

– 79. Җызем. – Һазен Камакнаҗо. – Җызим, а то тыяныҗаҗну тыялвыҗ.

– 80. Уйҗа, амыҗ Һыммо Һынык Һав'зигыҗ, уйҗа алвыка.

– 81. Ток, чемоч! Мыайтыкыҗ. – Һазен Камакнаҗо.

82. Лыҗутин, Һывой Һыток. 83. Ынки Җуйкыннаҗо гатти Һакмиллин, зиҗлинин.

84. Һазен гатти никай Камакнаҗонак и-и-и, и Камакнаҗо никану ныг'аллай илҗо.

85. Һазен Җуйкыннаҗо эвыҗ, илҗын акминнин:

– 86. Гэймат тумгык ветатыҗг'ын ныг'итыҗ. Мите, в'ай, җакмитгыҗ, Һыныкыҗ тумгыҗ ветатыҗг'ын.

87. Һазен Һакмеллен илҗын. 88. Ток, тыплитчук.

хорошо схватил.

– 57. О-о-о, в гости ко мне пришел, Мамонт! 58. Ух, даже дрова принес.

– 59. Нет, нет, ветром принесло! Не дрова я принес!

– 60. Ну, проходи!

61. Боится, аж дрожит.

– 62. Ой, вдруг что-то случится со мной.

– 63. Нет, я же тоже гостил, и ничего не стало со мной.

64. Тот вошел Мамонт, у двери сел. 65. Этот Куйкыннаҗо говорит:

– 66. Мити, а где чашка?

67. Гость пришел.

68. Она поставила туда эту тарелку тритонов. 69. Этот говорит Мамонт:

– 70. Нет, не надо, нет, хватит, а то съедят меня!

71. Тот Куйкыннаҗо:

– 72. Тритоны твои не съели ведь меня. 73. Я съел.

– 74. Не надо, хватит!

– 75. Ну, тогда поешь ягоду!

76. Той Мити там поставлена наполнена эта тарелка. 77. Эти, как его, наполнили золой с пеплом... пепел с золой. 78. Ага.

– 79. Не надо. – тот Мамонт. – Не надо, а то победят меня.

– 80. Нет, меня ведь твои не съели, не победили меня.

– 81. Так, хватит! Домой пойду. – этот Мамонт.

82. Встал, начал выходить. 83. Там Куйкыннаҗо топор взял, кинул.

84. Этот топор в Мамонта как... и Мамонт стал, кем же, кроильной доской.

85. Тот Куйкыннаҗо говорит, кроильную доску взял:

– 86. Наверное, твоим работником стал. Мити, возьми, тебе друг помощник-работник.

87. Та взяла кроильную доску. 88. Ну вот, закончила.

Василий Борисович Милгичил, коряк-нымылан, даты жизни 06.04.1950 – 14.11.2014, родом из с. Парень Пенжинского района

Запись произведена 26.05.2012 г. в с. Манилы Пенжинского района.

*Текст на пареньском диалекте
корякского языка*

Лымһыль «Тойяй»

Перевод на русский язык

Сказка «Новый бубен»

1. Мити гэнаян, Кылю, гэнаянталин Һано Мэтэнайтың, гэлкэлин. 2. Яяң гэлэлын, гэсвинэулин Һано. 3. Һанин Мити гатвагалин, у-у-у... гэйкэңүңчитэ у-у-у... 4. Һанин Кылю гэлэлин, гаталлин: «Мити, текүткын гыччи?» 5. Мити гивлин: «Җыгит, яяй татэйҗыткы. 6. Гапг'ан Һано, мыттаңвула в'утку маңик. 7. Амоң мыттяңавула тумгу эйңэвык Һано». 8. Митинаң: «Яво, пыча г'опта Һано мыяйтык Һано, г'опта мыттэйкын г'опты, яяй овэкэң г'опта мыттаңвол тумгу маңик Һано». 9. Мити. Кылю Һан гаяйэтэлэн Һано. 10. Гэлкэң як Һано. 11. Гаңволин Һан энячикг'атык Һано җыччу г'опта Һан налгув'и. 12. Выаёк гэлкэлэн Һано оччак Һано. 13. Гаңволин Һан выг'аёк инячик. 14. Гимнүтэлин в'этив'эткалталһын гэкмили́н. 15. Нытаёлқин в'уттин Һано. 16. Гэлкэвлэн г'опта, гаңволин Һано эллэколталһын в'этив'эткалталһын еппо мытҗыгиги Һано. 17. Эв'интям Һано як чапг'ан. 18. Г'опта ганнөпалэн Һан як Һано, напыг'аткын Һано. 19. Гамгаг'элю нэнайг'оңкэң Һанин яяй Һано поҗ-поҗ-поҗ-поҗ-поҗ... 20. Еппо г'апг'аклг'ин

1. Мити пошла, Кылю в гости пошла та к Мити, пришла. 2. Домой пришла, заглянула туда. 3. Та Мити сидела, у-у-у... с песней у-у-у... 4. Та Кылю пришла, спросила: «Мити, что ты делаешь?» 5. Мити сказала: «Смотри, бубен хочу сделать. 6. (Когда) высохнет, начнем здесь праздник (бубна). 7. Всех начнем друзей звать тех». 8. Мите: «Сейчас, пока тоже вот вернусь домой вот, тоже сделаем тоже, бубен себе тоже начнем друзья праздновать вот». 9. Мити, Кылю та пришла домой та. 10. Зашла домой та. 11. Начала та искать, мельтишить тоже шкуры. 12. Потом зашла та в деревянный дом тот. 13. Начала та потом искать. 14. Облезшую шкуру акибы взяла. 15. Хоть такая вот. 16. Зашла домой опять, начала та сырая шкура, шкура акибы еще жирная та. 17. Все равно та (пусть) сохнет. 18. Также повесила ту дома ту, сушиться ту. 19. Каждый день подходила та бубен тот поҗ-поҗ-поҗ-поҗ-поҗ... 20. Еще не высох

Һано. 21. В'ыаёк гагалэлин Һано гаңволэнав' тумгу амоң: «Тогок, тогок. 22. Митинэк, яяй, то есть яяй энңин Һано». 23. Гаңвол тумгу Һанок маңик... гаңволэнав' тумгу Һанок Митинэк маңик: «О, эңүңчик гимнин яяй Һано». 24. Җулэнаплиткуңин, васкэң ныңвоқин Һан, Һанин гаңвол: «О-ло-ло-ло...» 25. В'ыаёк Һано Кылю Һано гэлкэлин, гэсвинэулин як. 26. Митинэк галаулин: «Кылю, мэй, етти Һано! 27. Мэнну гынин яяй?» 28. «Җыги, еппы як. 29. Г'апг'аклин. 30. Яппы Һан г'апыг'аклин». 31. «Омакаң нынэйтык муйи. 32. Гимнин, җыги, гапыг'алин Һано, гынин амын як. 33. Җэтыгын». 34. А, Һанин Кылю Һан гэлкэлин яяйэттиң Һано. 35. Гакмиллин Һан яяй Һано самъяҗ. 36. Гасвиткул утту, уттыпиль гакмиллин, еппы. 37. Гаслкэлкэ, гэлкэлкэ Һано, гаңвол Һано: «О-го-го-го...» 38. Поҗ-поҗ-поҗ... 39. Гэмытҗыгигиңкэнав' тумгу. 40. О, җыгитг'ам эмэтҗыгиткинэв'. 41. В'ыаёк Һанин Кылю гатвагал: «О, я ныҗэнетылэтқин Һано о-го-го-го... 42. Аҗ-аҗ, ать-ать». 43. Һан г'ытг'ув'и нэнатайҗкэнав', г'ытг'агакаңян. 44. А, гимнин г'ытг'у Һано э-э-эй, естукигым, а-а-а... 45. Гэмэл илкэмыслин, геччылин Һанин яяй: «А-о-го-го, тёт-тёт-тёт...» 46. Һанин г'ытг'угэкэң ав'ыенветэң Һано наг'айнэвыткэнимык. 47. Галалин г'ытг'у Һан, тинны Һан янутг'ытг'а Һан, Поҗняскан, нымэйеңкин Һано. 48. Г'ытг'ын, янутг'ытг'ын гэкмили́н Һан яяй, гэнэлин, г'ытг'у гапенътелэнав', гэсвиткулин Һанин яяй, в'этив'эткалталһын г'апыг'акалг'ын еппы Һано то гэмытҗылин Һан гавали́н еппы Һан. 49. Выг'аёк гамэлыкымъелин. 50. Гакмиллин Һан тук, яяй гимнин. 51. Гакмиллин Һано. 52. Яяй утгытг'ам Һано гакмиллин, ам яяй Һано. 53. Игыңңинин Һано Кылюканңин, то есть яяй.

тот. 21. Потом прошло (время) то начали друзья все: «Тогок, тогок. 22. Мити, бубен, то есть бубен тот вот». 23. Начали друзья там праздновать (на бубне) начали друзья там у Мити праздновать (бубен): «О, поет мой бубен тот». 24. Заканчивали петь, другие начинали те, те начинали: «О-ло-ло-ло...» 25. Потом та Кылю та зашла, заглянула в дом. 26. Мити увидела: «Кылю, здравствуй, пришла! 27. Где твой бубен?» 28. «Да вот, еще дома. 29. Сохнет. 30. Еще тот сохнет». 31. «Вместе делали мы вдвоем. 32. Мой, смотри, высох тот, твой еще дома. 33. Принеси». 34. А, та Кылю та пошла домой та. 35. Взяла тот бубен вот тоже. 36. Там, где дрова рубят, деревяшку взяла, еще. 37. Пришла, пришла та, начала та: «О-го-го-го...» 38. Поҗ-поҗ-поҗ... 39. Жирные (обрызганные) друзья. 40. О, вот жирные (обрызганные). 41. Потом та Кылю села: «О, я пяткой стучит та о-го-го-го... 42. Аҗ-аҗ, ать-ать». 43. Те собаки подумали собачья упряжка. 44. А, мои собаки те э-э-эй, каюр-я, а-а-а... 45. Закрыла глаза, положила тот бубен: «А-о-го-го, тёт-тёт-тёт...» 46. Та собачья упряжка кормить их зовут. 47. Пришли собаки те, что та первая собака та, Похняшка, большая та. 48. Собака, передовая собака взяла тот бубен, вынесла, напали, разорвали тот бубен, шкуру акибы не высохшую еще ту и жирную ту с жиром еще ту. 49. Потом закрыла глаза. 50. Забрали тот, ой, мой бубен. 51. Забрали тот. 52. Бубен, обруч тот забрали, только бубен тот. 53. Вот такой тот у Кылю, то есть бубен.

Текст на паренском диалекте
корякского языка
Лымһыль «В'эллы то Калалив'»

1. Еппо титкытит ининикэ.
2. В'элв'амтылг'ын ынһин гаңвол
тынмавыткук һанок аяг'унветың.
3. Гәннэлин уэтыкпиль һанин
һасуынойтың һано. 4. Гивлин.
5. Мэнипиль гэкмиллин, ээг'унаң һанко,
гаңтолин һанин. 6. Һанок
гәңвол эноматык уэтыкпиль. 7. То һон
в'аямэтың гатав'аңлин. 8. Җу-Җу-Җу-Җу...
Җук-Җук. 9. Гэлэлин в'аямың һанин,
гаңволин эномат-гэноматилһытвык.
10. Һанко ээг'унаң гэкмиллин,
гаңволин һано ээг'ук. 11. Тук...
12. Каляльпиль... 13. Җук-Җук лылув'
Җук-Җук... 14. Тук...
15. Ыны-ыны-гыны-гыны... 16. Җук-Җук
лылув' - лылув' - лылув' Җук-Җук...
17. Выг'аёк гатав'алһылалин, этг'у
калалэв' һанин. 18. Ганэ-ганэ-нэ-нэн...
19. Гаңволин уэтыкпиль гамалэномалэн.
20. Калал гамайһынынһинмалин.
21. Ытав'ыт калалыв' ок-ок-ок...
22. Гаңволин тэткэюнһык.
23. Таг'ыһняйтанныав' ыһычэв', еқкэ-җон
эмэн һано, җок һано. 24. В'амтылг'у һано
һытэтҗеюңкинэв' һан. 25. Җу-Җу-Җу-Җук...
26. Выаёк гэкмиллин гильһыпиль һан,
ганһыаллин уэтыкик. 27. Һано
калалэв' җысг'айт г'ытгыв'уй
гаңволинэв' калгатык.
28. Ок һано гаһылгэлинэв' калалыв' һано.
29. А В'эллы һано: Ук-ук-ук... Ақ-ақ-ақ-ақ...
30. Һатыв' калалыв' гаңволин
гатав'алһылалэһыв'. 31. Гаңволин:
«Пыче, г'анав'ыялламок то
мытяһняйталаһток, оё-го-го, оё-го-го...»
32. В'алв'ымтыг'ын һано. 33. Ақ-ақ-ақ...
34. Җыһняһняйталатык. 35. Һанко
һымһин яак куканһаҗу гәһиллилин.
36. Һано Һымлэ калалэв' гивэ: «Пыче,
г'анав'ыялламок то
мытяһняйталаток, оя-оя-оя, го-о-о...»

Перевод на русский язык
Сказка «Ворон и Горбуши»

1. Еще солнце не взошло.
2. Ворон тот начал
собираться туда на рыбалку.
3. Вынес нарточки те
на улицу. 4. Сказал.
5. Мешочек взял, удочку
там, вышел тот. 6. Там
начал завязывать нарточку. 7. И
к реке пошел. 8. Җу-Җу-Җу-Җу...
Җук-Җук. 9. Пришел к реке той,
начал развязывать.
10. Там удочку взял,
начал удить. 11. Тук...
12. Горбушинка... 13. Җук-Җук глазки Җук-
Җук... 14. Тук...
15. Ыны-ыны-гыны-гыны... 16. Җук-Җук
глазки-глазки-глазки Җук-Җук...
17. Потом повернулся, еще
горбуши те. 18. Ганэ-ганэ-нэ-нэн...
19. Начал нарточки хорошо завязывать.
20. Горбуш много словил.
21. Вот горбуши ок-ок-ок...
22. Начал думать.
23. Отвезу их
все-таки туда же (домой). 24. Вороны
те умные (думающие). 25. Җу-Җу-Җу-Җук...
26. Потом взял ремешок тот,
расстелил на нарты. 27. Тех
горбуш будто собаками
начал запрягать.
28. Запряг горбуш тех.
29. А Ворон тот: Ук-ук-ук... Ақ-ақ-ақ-ақ...
30. Те горбуши начали
повернулись. 31. Начали:
«Пока накорми и
повезем домой, оё-го-го, оё-го-го...»
32. Ворон тот. 33. Ақ-ақ-ақ...
34. Везите домой. 35. Там
в моем доме котлище висит.
36. Те снова горбуши сказали: «Пока
накорми и
отвезем домой, оя-оя-оя, го-о-о...»

37. Выг'аёк һатыв' калалав'
гаһотав'лэнав'. 38. Ик һано в'аямэтың
гаһиңкулинав' ав'ыһоятыкэма.
39. Һанин В'алв'ымтыл һанин нэлэйтэҗин
пыгыльг'атык. 40. Мэлькит гаңпэлин.
41. Томгыһың эмыквылг'ын. 42. О,
яйтэтиң гатав'ын. 43. Җук-Җук-Җук...
44. Җа-а-а... 45. Ыһыңыг'ан эмыквылг'ын
гаййтэлин. 46. То в'уттин лымһыль.

37. Потом те горбуши
рассердились. 38. Ох да в реку
прыгнули с нартой.
39. Тот Ворон не умеет
плавать. 40. Еле-еле вылез.
41. Бедняга пустой. 42. О,
домой пошел. 43. Җук-Җук-Җук...
44. Җа-а-а... 45. Вот так пустой пришел
домой. 46. И вот сказка.

Савина Любовь Хояттовна, чавчувенка, родилась 15.01.1938 г. в с. Ваеги Чукотского автономного округа

Запись произведена 03.03.2016 г. в с. Слаутое Пенжинского района.

Две сестры

Две сестры, одна непослушная, завистливая была, а другая – такая скромница, трудолюбивая была. Диниг’аңав’в’ыт и Эмемкут. Про Эмемкута, брат был Эмемкут. Он вышел на улицу, возле юрты стругает, делает себе стрелы, Эмемкут, брат. Вышла за дровами Диниг’аңав’в’ыт и нечаянно наступила на стрелу, и стрела переломилась на две части. Он взял и ударил сестру. Сестра обиделась, Диниг’аңав’в’ыт, ушла в тундру и к вечеру она подходит. Жилище стоит, дымится, заходит, а там медведица. Медведица спрашивает Диниг’аңав’в’ыт: «Кто ты? Откуда ты такая?» Она стала рассказывать, что я вышла, нечаянно наступила на стрелу брата, брат ударил меня, я обиделась, ушла. Она говорит ей: «Вот скоро вечером должны с охоты прийти мои братья, медведи,» – иговорит. – «Я тебе дам гребешок, жилки. Заходить будут меховые, только не шуми, жилки крути и вот тебе гребешок, волосы почешешь, причешешь». Она дала ей лапку медвежью вместо гребешка и жилки. Она послушалась и зашла в полог. Сидит она крутит нитки, причесалась. И вечером с охоты возвращаются медведи. Спрашивают: «Что такое? Медвежьим духом тут несет?» А сестра говорит: «Как тут не будет человеческим духом нести? Я целыми днями одна, вот отсюда и вот дух появился». А когда она сказала, в общем, покормила она своих братьев, уложила. Как захрапели братья, она открывает полог: «Ну, иди, домой иди. Только когда будешь идти, не оглядывайся назад, улышишь топот какой-то, гул топота, не оборачивайся, смотри. Так иди, иди, иди». Она идет домой, вдруг слышит топот сзади, гул такой. Она не хочет, как страшно не было, она не оборачивалась. Идет, идет. И сравнялся с ней молодой красивый парень. Они стали жить-поживать, в общем, они идут домой к себе, где откуда пришла, и вот этот кустарник, который олени любят есть листочки, как пнет, этот молодой парень, раз – и табун появился. Потом дальше идут, этот табун идет, большой табун они гонят. И оправляется бисером весь табун и моча у них как серебро, серебряные ожерелья. И пригоняют они с парнем Диниг’аңав’в’ыт это стадо оленей домой уже к своему брату. Они посторили отдельную юрту, стали жить и поживать, добра наживать. А завистливая сестра их Кылюкэнэв’в’ыт спрашивает у сестры, как это у тебя получилось, что ты замуж вышла, нашла молодого красивого парня. Говорит:

– А я же вышла, нечаянно сломала стрелу, Эмемкут сидел строгал себе стрелы делал.

– Ну, я все, все поняла. Я все знаю.

Она вышла из юрты, нарочно наступила на стрелу брата. Брат взял и ударил ее. Она пошла по той же тропе, где шла первая Диниг’аңав’в’ыт. Заходит в это жилище, где медведица, и медведица спрашивает:

– Кто ты такая? Откуда ты пришла?

– Вот такая-то, такая-то, Эмемкут строгал себе стрелы, я сломала, он меня ударил, вот я и пришла.

– Вот скоро должны прийти мои братья с охоты. Вот я тебе гребешок даю, медвежью лапку и жилки медвежьи сушеные, ты себе делай, крути нитки и причесывайся, в палатке сиди. Смотри, услышишь зайдут, топот услышишь, не пугайся.

Она заходит, зашла в этот полог меховой, сидит и слышит топот, медведи уже братья идут. Она сидит в пологе, дрожит вся, вся дрожит, вся дрожит. Приходят медведи-братья и спрашивают:

– Что такое тут медвежьим духом несет?

А сестра говорит:

– Как тут не запахнет, ой, человеческим духом не запахнет, я же целыми днями одна дома сижу, вот и духом несет человеческим?

Она их накормила, уложила, захрапели. Она открывает полог:

– Вот, иди, иди домой тихонько. Услышишь сзади топот, смоти, не оборачивайся, не оборачивайся, иди, иди, не оборачивайся.

Она услышала топот, рев услышала, и закричала:

– Икаккэ-э-э (=Ой-ой-ой)! Кайһыняку сейчас инануйгым. (=Медведем сейчас буду съедена).

И так и ни с чем осталась. Замуж не вышла. Вот непослушная, завистливая сеструха. Без ничего осталась, ни табуна тебе, ни жениха.

В’элвымтэлг’ын и погода

Как В’элвымтэлг’ын делал погоду. Пурга задула. Про птичку, которую снаряжали, чтобы она закончила пургу.

– Что делать? Пурга то длится уже давно. Надо, – говорит, – кочевать, а все пуржит и пуржит, В’элвымтэлг’ын. – у него спрашивает, у Ворона.

– Ну, приготовьте мне мешок продуктов, и я пойду искать погоду.

Ему набили мяса мешок, он еле утащил за бугор и там каркал, каркал, каркал, пока не съел все мясо. И заходит, говорит:

– Везде шел, везде искал, ничего не нашел, погоду я не нашел.

А потом находит птичку:

– Вот, искать надо погоду. Что делать? Вот, ты полетишь искать погоду. Давай, мы приготовим тебе продукты и полетишь искать.

– Мне не надо много готовить продуктов, мне сушеную икру дайте, я за пояс заткну и полечу.

Летит, летит птичка и долетает до той страны, где много солнца. Эти люди вялят рыбу и спрашивают:

— Откуда же ты пришел, такой маленький? Откуда ты пришел, зачем ты пришел?

— Да вот, послали меня погоду искать, там пурга не кончается.

И люди солнечной страны сказали:

— Вот, на тебе.

Дали мешочек сушеной рыбы, сухой рыбы, сушеной, как мука, и говорят:

— Будешь лететь когда, ты насыпай эту муку рыбой и пой песню.

Ему дали эту муку рыбой, он за пояс заткнул, полетел назад. Летит, летит и поет:

— Ти-и-ил-тил-тил-тил, ти-и-ил-тил-тил-тил.

Пока летел, пел песню «тилтил-тил-тил-тил» и долетел, погода распогодилась. А потом свататься Ворон пришел Ыууйкыннэжо, его испытывали же. А потом, чтоб избавиться от него, от Ворона, все не хотели, чтоб он женился на красавице, послали погоду делать. А он пошел этот Ворон, к матери пришел и лег, вот он. Уже лег у полога, лежит, лежит, лежит, лежит, лежит. Потом приходит одна женщина, к Ыууйкыннэжо пошла свою дочку, чтобы он:

— Иди, вот, и проси его, чтоб он сделал погоду.

А Мать-ворониха говорит:

— Вот, пришла женщина к тебе, чтоб замуж за тебя вышла. Выходи давай. Посмотри на нее.

А он только чуть-чуть зевнет, солнышко чуть-чуть появится. Потом опять ложится. Ну, и ни с чем эта женщина ушла. Потом Ыууйкыннэжо Диниг'ажав'в'ыт говорит:

— Диниг'ажав'в'ыт, тинэйзел, вот твой образ дай мне. — Отец говорит дочке.

— Образ мне дай свой.

И он нарядился в ее образ, нарядился в ее одежду и пошел свататься к Ворону. Образ красавицы дочери взял. Приходит опять Ворониха, спрашивает:

— Кто ты такая, такая красавица пришла?

— Вот я пришла, меня отец послал, чтоб я замуж вышла за Ворона.

— Ворон, вставай! Вот к тебе пришли, женщина красивая пришла, чтоб ты женился на ней.

Сел он, зевнул хорошо, улынулся, солнышко показалось.

— И теперь, — говорит, — надо идти к нам домой, и там мы отдельную юрту построим, отдельно будем жить. Только, — говорит, — ты возьми топор с собой и пойдем.

Идут, идут, идут. Он же Ыууйкыннэжо этот в образе невесты же дочери. И говорит Ворону:

— Теперь мне надо те палки срубить на юрту.

Ворон рубит, рубит, рубит, шест один срубил большой. И в образе этот Ыууйкыннэжо говорит:

— Теперь дай я порублю, тоже шесты порублю.

Топор дал Ворон. Говорит:

— Вот, я что-то уронил, нагнись, посмотри, вот, ты найдешь.

Ворон нагнулся и этим временем он отрубил ему голову и на этот шест повесил. И погода восстановилась.

Несказочная проза

В сентябре 2014 года специалисты Камчатского центра народного творчества побывали в фольклорно-этнографической экспедиции в с. Таловка Пенжинского района. Село Таловка было образовано в 1943 году. Из с. Слаутное Пенжинского района перекочевали две бригады оленеводов на место, где расположено село. Эти места богаты ягельником, река, не замерзающая зимой, полна рыбой. Населенный пункт называли Таловка, что значит «талая вода». Численность населения 240 человек [сайт Правительства Камчатского края <http://www.kamchatka.gov.ru>].

В селе Таловка участники экспедиции провели активную исследовательскую работу. Специалистами центра была произведена аудио и видеозапись всех мероприятий: запись информантов, фольклорных посиделок со старейшинами села, выезд на рыбалку, мастер-классы по национальной хореографии и декоративно-прикладному творчеству от носителей традиционной культуры. В ходе работы были зафиксированы сведения по календарным и похоронным обрядам оленных коряков (чавчувенов), собраны уникальные материалы, относящиеся к декоративно-прикладному творчеству, обрядам и традициям, традиционному ведению хозяйственной деятельности. Были сделаны записи образцов многих жанров фольклора, среди которых интересные предания, мифологические рассказы, а также песни и родовые мелодии.

Представленные тексты не обрабатывались и не редактировались.

Нами предпринята попытка осмысления собранных фольклорных произведений с опорой на данные фольклористики. Как показывает практика общения с информантами, сказки и жанры несказочной прозы обычно бывают в репертуаре одного и того же исполнителя. Сами носители традиции их различают, даже терминологически.

К настоящему времени в большой сохранности, по нашим наблюдениям, остается несказочная проза, представленная мифологическими рассказами разных типов. Причина этого в какой-то мере может быть объяснена тем, что они часто включаются в поток бытового общения и как бы «сливаются» с другими обстоятельствами жизни. В действительность событий, составляющих сюжет рассказов, информант верит, хотя в них немало фантастического и сверхъестественного. На их достоверность работает и структура, особенно начальные устойчивые формулы, типа: «Сам не знаю, не видел, а вот люди рассказывают...», «Рассказывали, как будто бы ехали на оленях через озеро...», «Про нее все рассказывают, и бабушка моя рассказывала...».

Собранные тексты мы классифицируем как мифологические рассказы. В современном исследовании фольклора и мифологии Камчатки утверждается: «Одна из функций подобных рассказов — указать на особые связи между реальным и сверхъестественным, представить сверхъестественное как реальное. В этом и проявляется мифологическое» [1, с. 113].

Несомненный интерес представляют мифологические рассказы о мамонте, которые зафиксированы у многих народов Сибири и Севера. «Подавляющее большинство мифологических сюжетов, связанных с мамонтом, относится к одному из трёх циклов: мифы о творении (...эвенкийские сказания о мамонте, сотворившем вместе со змеем землю, и шаманский миф о мамонте, забравшемся в воду и выворачивавшем бивнями песок, землю, камни, представления о мамонте, стоящем в космогоническом океане и поддерживающем мир и др.), мифы этиологического характера, объясняющие те или иные особенности рельефа либо происхождение данной традиции; мифы о метаморфозах (мамонт как «превращенное» животное)» [6, с.96-97].

Крашенинниковым и Стеллером не были зафиксированы подобные мифологические сюжеты о мамонте, но в трудах путешественников XIX века, в частности у К.Дитмара, содержатся интересные сведения о мамонте, которые бытовали среди ительменов.

Нами был записан один рассказ о мамонте в с.Таловка Пенжинского района. Об этом животном знают все жители данного населенного пункта, у многих из них хранятся какие-нибудь части мамонта: зубы, бивни, тазобедренные кости. Место, где находится их «кладбище», называется «Вонючий берег». Весной, после того, как спадет вода, жителям попадаются эти находки на берегах реки Таловки.

Мифологические рассказы о мамонтах, о потопе, о кала (чёрте) и снежных людях нам поведал житель с.Таловка Энпин Игорь Иванович 1953 года рождения, коряк (чавчувен). Его родители оленные коряки (чавчувены) переселились в с.Таловка: мать из с.Слаутного, отец из с.Манилы Пенжинского района. Рассказы он слышал от своей бабушки, которая говорила, что все происходило в действительности, только очень давно.

Ниже приводится его рассказ о мамонте:

«Рассказывали, как будто бы ехали на оленях через озеро. А там эти клыки. Думали, что это деревья. А там молодой пастух остановился, и топор взял, и говорит:

- О, сейчас я перерублю все эти.

Старики, бабки говорят:

- не ходи туда. Это не деревья.

Он сам все равно пошел. Эти старики, вся семья, на берег перебралась. Он стал рубить. И вдруг озеро, вдруг зашевелилось. Лед разломался. Тот, кто рубил, упал под лед. Это были, говорят, были мамонты спящие, может это легенда? По-корякски не помню, как называли мамонтов».

Подобный мифологический рассказ мы находим в записях известного ученого С.Н. Стебницкого, который в 1927 году прибыл работать на Камчатку в Пенжинский район. Он также указывает, что на территории Корякского округа находят кости мамонтов. Стебницким был записан такой текст о мамонтах: «На одном из озер группа коряков заметила торчащие из-под льда рога. Коряки стали спиливать эти рога, желая воспользоваться прочной костью для различ-

ных поделок. Когда они уже почти совсем спилили рога, озеро подо льдом вдруг забушевало, лед сломался, и все бывшие на льду потонули, осталась только одна женщина, которая рассказала о происшедшем» [4, с.215].

Мамонт здесь представлен как озерный дух, что объясняется связью подобных рассказов с мифами творения.

Мифы о потопе известны почти всем народам мира. У каждого из них есть своя версия о данном событии. В культурах народов мира потоп является частью космогонических мифов и соотносится со временем творения.

В книге Г.В. Стеллера «Описание земли Камчатки» есть рассказ ительменов о потопе: «Ительмены рассказывают также о потопе и об огромном наводнении, постигшем всю страну. Это случилось после того, как Кутка у них исчез, <...> После спада воды они очутились со своими плотами на высоких вершинах гор» [5, с.160-161].

К. Дитмар, путешествуя по Камчатке, также записал рассказы о потопе от камчадалов. Позднее, еще один исследователь Камчатки В.Н. Тюшов зафиксировал предание о потопе в с.Ковран: «Считаю не лишним некоторой доли интереса сказать, что на вершине Эльвелика во время оно спасались жители от потопа: <...>. Насколько это справедливо, я не берусь решать, но должен сказать, что поверие о бывшем потопе и о нахождении листовенных плотов существует почти повсеместно на Камчатке» [7, с.388].

В работе С.Н. Стебницкого «Очерки этнографии коряков» отмечено: «Весьма интересно широко распространенное среди всех коряков предание о потопе» [4, с.222]. Автор приводит один из записанных вариантов рассказа о потопе в Пенжинском районе.

В нашем архиве также есть рассказ о потопе записанный в 2014 году в Пенжинском районе:

«В верховьях Ачайваяма (село в Олюторском районе) есть Ледяная гора. Про нее все рассказывают, и бабушка моя рассказывала. Когда ледниковый период был или что-то там. В общем, много воды было. Эта гора растаяла. Предупредил людей, там, знающий. У нас же не говорят, что вот, мол, шаман, я шаман. Это не принято так говорить. Он просто, наверное, знал, что эти сопки могут сказать. Предупредил, чтобы оленей загнали самых смиренных. На сопке плоты делали. Самые смиренных важенков. Сейчас, до сих пор, как идешь на Восточное побережье, там плоты, уже такие. Один, наверное, остался. А потом, уже когда 1941 год, война. Эта гора тоже растаяла. Там один лед. Никогда не таяла. Это бабушка сказала, что плоты строили. Некоторые даже уже знали. Они уже знали, что оленей не будет».

Данный сюжет можно классифицировать как топонимическое предание.

В очередной фольклорно-этнографической экспедиции в марте 2015 года, Олюторский район, мы услышали подобный рассказ в с.Хаилино Олюторского района от Лилькива Людмилы Алексеевны 1939 года рождения, чукчанки. Слышала она это от старых людей.

«Раньше было сильное наводнение. Растаяла гора Ледяная. Люди все пошли на высокие сопки. Жила старенькая бабушка с маленьким внуком. Она просила взять людей ее и внука на сопки. Но никто не взял бабушку. Тогда она собрала камни и плотно обложила ими ярангу, привалила шкуры камнями. А сверху отверстие закрыла плотно большим камнем. Она с внуком спряталась в яранге. «Пришла» вода, яранга стояла. Потом вода «ушла», и бабушка с внуком вышла из яранги. Так они спаслись».

Подобные рассказы известны и жителям с.Средние Пахачи Олюторского района. Так, Маммак Анна Сергеевна, чукчанка, 1935 года рождения, призналась, что слышала их от своей бабушки.

Наши информанты, жители указанных районов, бывшие оленеводы, верят, что здесь когда-то действительно был потоп и подтверждают это своими рассказами. Они утверждают, что на самых высоких сопках находятся огромные бревна – остатки плотов. Информанты называли эти сопки: «Сахарная голова» недалеко от села Таловка Пенжинского района, сопка «Пойтанай» около села Слаутное Пенжинского района, сопка «Шаманка» недалеко от Средних Пахачей Олюторского района. Все эти места считаются священными и, находясь рядом с ними, надо обязательно делать инэлвэт (подношение духам этих мест). Говорили и о том, что находили морские ракушки на склонах этих сопки.

Игорю Ивановичу Энпину известны и рассказы о кала (чёрте). Он пояснил, что есть такие места, куда лучше не ходить. Приведем его рассказ:

«Здесь есть чёртовый домик. Действительно черти есть. В верховьях реки Таловки. Там говорят, домик якобы построили не на том месте. Там сжигали человека. Сучок, что ли, ветки торчал. Оттуда душа, якобы, выходит. Становится чёртом. Кости не собрали. И вот он по ночам наведывается в этот домик. По крыше бегают, кого-то повторяет, как будто бы рубит, дышит.

По крыше побегают, побегают, потом скатится по шиферу вниз, постучится в дверь. Там дедушка мой, бабушки, тетки остановились. Тогда горшки с собой взяли. Они помочились туда (горшки), и дедушка взял и облил сучок. И он (чёрт) человеческим языком ему говорит:

- проживешь ты со своими спутниками долго. Зачем ты меня облил.

На это место бояться ездить. Чёрта у нас называют кала. Хотя это рассказы, это не принято говорить. Но все равно, кто-то должен знать. Ему (кала) надо что-то положить: жир оленин с заячьим пухом».

Многие жители села Таловки, которых мы собрали на фольклорные посиделки, признались нам, что они больше всего боятся встречи с кала (чёртом). И места, которые у коряков считаются страшными, где живут эти кала, лучше обходить стороной.

Известны аборигенам Камчатки истории о снежном человеке. Об этих встречах чаще всего сталкиваются оленеводы.

Приведем подобный рассказ об этих людях, рассказанный в с.Таловка:

«Бабушка рассказывала. То ли снежный, говорит, человек, то ли кто. Раньше в табунах летники были. Табун ушел, оставили после забоя мясо, просушивать мясо. Раньше никуда не убирали это мясо. Вдруг пропадать начало мясо. Бабушка умела ворожить. Она нашенчала на кусок мяса. И этот человек попался. Хотел схватить, как в капкан. Бабушка сказала не выходить на улицу. Скажу, когда выходить. Волосатый был человек. Она по-корякски сказала ему: - никогда больше так не делай.

Что-то опять поворожила, и он тут же исчез с этого лабаза. И больше его не было. Это время было давно, может быть до революции. Этих людей у нас называют по-корякски – тымуэв'г'оямтав'элг'эн (потерявшийся)».

Память о священных местах – часть культуры аборигенов Камчатки. Они почитаются ими, здесь соблюдаются определенные правила поведения человека, в основе которых – запреты, так как эти места почитаются как местообитания общеплеменных, общеродовых духов. По установленным правилам им приносятся подношения в виде посуды, оружия, украшений, или делаются жертвоприношения (животных). Нарушившего эти правила ждет наказание. Наши информанты верят в это и стараются молодое поколение научить всему, чему их учили предки.

Вот, что нам рассказал бывший оленевод, Тынетегин Н.И., об одном таком месте: «Вот одно интересное вообще, священное место, или какое оно называется. Камень небольшой, возле ручейка, называется «Бытапона», переводится, возле этой речки, не очень большой глубины воды, там собирается кета, голец. «Бытапона» переводится с корякского нерестилище. На том камушке, пришел табун на летовку, обязательно там бьют самого, самого красивого теленка или самого красивого производителя. И череп снимают, рога там, чтоб целые были. Череп чистят хорошо, чтобы крови, мозгов не было. А там череп, туда ложат все, все, что у оленя имеется с левой стороны: копыто, сердце и прочее, прочее. И еще лахтаций ремень, бусы. И кладут где камень, там щель такой, и там карабины, копыта, посуда. И зачем такие ценные вещи ложат. Почему такое ложили».

На Севере Камчатки можно еще услышать рассказы о войнах между коряками и чукчами в прошлом. В основном все эти столкновения происходили из-за оленьих пастбищ и оленей. Оленные коряки готовили молодых парней, каждый день обязательные тренировки. Вот, что нам рассказал один из информантов: «Большая, большая сопка. Тренировались там. На копытах, с камнями большими бежали. Специально одевали скользкую обувь и заставляли бегать по болотистой местности. Тренировки были каждый день. Со всех спрашивали одинаково строго, никого не жалели».

Привезенные из фольклорно-этнографических экспедиций материалы – это часть фольклорного богатства коренных народов Камчатки. Наши экспедиции в северные районы Камчатки проходят ежегодно. В отдаленных национальных селах еще есть возможность записать информантов старшего поколения, зафиксировать повествовательный фольклор, проведение обрядовых праздников.

Список информантов:

Лилькива Людмилы Алексеевны 1939 года рождения, чукчанка, с. Хаилино Олюторский район Камчатский край

Маммак Анна Сергеевна 1935 года рождения, чукчанка, с. Средние Пахачи Олюторский район Камчатский край

Тынетегин Николай Иванович, 1937 года рождения, коряк (чавчувен), с. Таловка Пенжинский район Камчатский край

Энпин Игорь Иванович 1953 года рождения, коряк (чавчувен), с. Таловка Пенжинский район Камчатский край

Литература

1. Гончарова А.А. Несказочная проза народов Камчатки. Сюжеты и поэтика: монография. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2009. – 183 с.

2. Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851-1855 Карла фон-Дитмара исторический отчет по путевым дневникам (пер с нем.). – Ч. 1. С-Петербург, 1901. – 754 с.

3. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – Москва-Ленинград: издательство: Главсевморпути, 1949. – 840 с.

4. Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков - Санкт-Петербург: Издательство «Наука», 2000. – 238 с.

5. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. - Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. – 287 с.

6. Топоров В.Н. Потоп // Мифы народов мира. Энциклопедия: В двух томах/ Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1997. Т.2. – С.96-97.

7. Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки//Записки императорского русского географического общества по общей географии. – Том XXV, № 2-й. – СПб. 1996. – 521 с.

ИЗ ДНЕВНИКОВ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ

Нина Милгичил

Нина Николаевна Милгичил (Тыг'атты) уроженка с. Микино Пенжинского района. С раннего детства Нина росла в среде, где каждый вечер рассказывали сказки, предания на родном языке. Мама Татьяна Кайзевна и отец Николай Салкунович (Таққат) прививали дочери любовь к родному краю, к почитанию старших, строгому соблюдению всех обычаев и традиций береговых коряков. Став старше, Нина стала записывать воспоминания родителей, старожил. После окончания средней школы она поступила в Биробиджанское культпросветучилище, которое окончила в 1972 году. Вернувшись, домой Нина Николаевна начинает свою работу в сельском доме культуры с. Парень. Грамотный специалист, она ставит перед собой главную задачу – сохранение и популяризация традиционной культуры. Совместная работа с Марией Яковлевной Жорницкой, известным хореографом, приехавшей в 1973 году в составе Северной экспедиции института этнографии АН СССР для сбора материала по народному хореографическому искусству коренных малочисленных народов Севера, дала большой толчок для дальнейшей работы в этом направлении. В начале 80-х годов Нина Николаевна возглавила известный тогда самодеятельный ансамбль «Факел» в с. Манилы. Ею активно ведется работа по сбору фольклора. Весь материал активно используется в репертуаре коллектива – это и родовые мелодии, и песни, сказочные миниатюры, танцы, обряды. Сегодня Нина Николаевна известный на Камчатке собиратель и хранитель корякского фольклора. Ее материалы печатаются в газетах, сборниках. Нам, специалистам камчатского центра народного творчества, она тоже дала свои материалы для опубликования. Чем больше средств массовой информации печатает фольклорные материалы, тем больше людей узнает о культуре малочисленных народов, так считает наш фольклорист, носитель традиционных знаний Милгичил Нина Николаевна.

Легенда аппапель

*Из воспоминания Такат Николая Салкуновича
(1911-28.12.1971г.)*

С моря дул холодный ветер. Весь берег Микино ещё во льду. Там, где уже оторвало, льды медленно с шумом плыли вдоль ледяного берега. Чайки летали над берегом, где стояли все байдары селенья Микино, готовые к спуску. Байдара (кул-тэг'ытвын) – каркас из тонких, узких дощечек, выструганных из лиственницы, связанных между собой нерпичьим ремнем. Этот каркас обтянут нерпичьими шкурами. Женщины шкуры сшивали мелким швом оленьими жилками. Киль байдары из цельной длинной лиственничной доски, загнутой к носу. На корме байдары для рулевого, а на носу для гарпунщика делали укрепленные полукруглые доски.

На воде очень устойчивая. Железных частей в байдаре нет никаких. Ни одна доска не соединена с другой скобами, доски просто притянуты нерпичьими ремнями. Руля нет, только кормовым управляется байдар. Весла без уключины, соединены при помощи двух ременных петель, привязанных к бортам с двух сторон.

Выход в море - это праздник. Приготовленные заранее угощения: тисг'та-лав - котлеты, килыкил - ягода с рыбой, тав'алу юкола, приготовленная из кеты, ги'илу пластинки высушенного рыбьего мяса, блюда из кореньев, ягоды, сушеной икры, шишек.

В каждом доме поют родовые напевы с горловым подражанием зверям, птицам. В бубен аккомпанируют тихо, ритмично, чтобы море было спокойное. Движения танцующих медленные, спокойные, словно покачивания на морской волне.

Лэкэфу надела свою праздничную кухлянку. Рукава, подол были украшены орнаментом, сделанным из подшейной шерсти оленя. Вырезанные кружочки из ровдуги были яркой гладью, вышивкой наложены на продырявленные места, проеденные личинками овода. На ней висели ровдушные подвески, пиняков, сделанные из нерпичьей шкуры, окрашенные ярко-красной краской. Она подошла к очагу, посмотрев напротив, где висели зачехленные родовые гарпун, копье, пойтвала (нож) отделанные, гравированные клинки, украшенные медными насечками, латунью украшены рукоятки. Эти изделия сделаны мастерами кузнечного дела, родственниками семьи селенья Гельялнэян (ольховый дом) - Парень. Лэкэфу сняла с крючка котелок с муллыг'ыпаңа, открыв летний выход лымгияк. Она вышла и медленно пошла к берегу моря, где ждал ее Кайзи. Впереди шла ее старшая дочь Кутана, она несла деревянную тарелку, где лежал инэлвет.

На берегу, облокотившись на байдару, Кайзи смотрел на море.

Вдали посреди бухты виден остров, все его называют «Аппапель». Давным-давно этого острова не было, а был мыс на берегу реки, где жили береговые коряки. Однажды из селения все мужчины уехали охотиться на байдарках на морского зверя. Остались одни женщины, дети, старики. Одна молодая женщина каждый день выходила на мыс «Аппапель», смотрела в даль, ждала: может появится байдар с охотниками, где был ее муж. Так, каждый день допоздна стояла женщина на мысу. Сжалился «Аппапель» над ней, сдвинулся и повез женщину по речке, остановился посреди бухты. С тех пор там появился остров «Аппапель» - жертвенное святое место.

Кухлянка для всех

*Рассказ написан по воспоминаниям
Эветвиля Николая Кайзевича.*

Селение Микино (корякское название от слова Мыкыннын - много разной рыбы). Природа щедро одарила эти места: в реке Микино, в заливе круглый год можно ловить рыбу.

... Вот уже несколько дней дует пурга. Никого не видно на улице, только дым, идущий с землянок, давал знать, что здесь живут люди. Возле каждой землянки стоят пирамиды дров из плавника и кедрача, заготовленного еще летом и осенью для долгой зимы.

В землянке Кайзи с сыном Эветвиля делают заготовки для нарт. На стене висят уже готовые четыре пары копыльев. Мальчик внимательно смотрел, как отец вытаскивал из горячей воды березовые заготовки для дуги: по мере согревания гнул, закреплял оба конца нерпичьей веревкой, заготовку вновь окунал в горячую воду. Кайзи спокойно объяснял сыну, что нужно ему делать. И когда он вновь вытащил из горячей воды заготовку дуги. Эветвиля помогал ему. Отец, развязав и ослабив веревку, стал вновь сгибать и снова закрепил оба конца дуги. Посмотрев, что этого достаточно, повесил заготовку на вешала.

Лэкэфу дошивала новую кухлянку для дочери Амчех. На днях у нее обряд выдавания. Только после обряда жених Пкеле может забрать Амчех к себе домой. Дошив подол, Лэкэфу стала нашивать уже заготовленные украшения с бисером, подвески из замши. Все дочери помогали: Амчех скручивала жилки, Кутана вдевала в замшевую нить крупный бисер, Ипын, подложив дрова в огонь, села рядом с матерью. Лэкэфу, взяв украшение - готовый круглый зыг'илгын, говорит: «Доченька, посмотри внимательно на это украшение. Это луна, солнце - небесные светила, меховые украшения - звери, птицы, рыбы, бусы - люди, род. Нанизаны в одну живую нить жизни, связаны, закреплены к небесному светилу. Если одно упадет, то все рассыпется - так и в жизни».

- Лэкэфуг'ыны, - это Кайзи просил, чтобы она продолжала рассказывать, что все её внимательно слушают. Она посмотрела на мужа и сына и стала рассказывать: «Жили на берегу моря Миты и Куйкиняку. Вышла замуж дочь Зининавут. Долго у нее не было детей. В семье все ждали сына, внука. Дедушка Куйкиняку смастерил лук со стрелами. Отец сделал копье. Бабушка Миты сшила красивую белую замшевую кухлянку. Мать Зининавут сшила торбаса с длинными голенищами. Наконец-то Зининавут забеременела.

Но в это время началась война, напали танго - увели оленей, но их догнали и вернули стадо назад. Долго шли бои. Отогнали танго от стойбища, бои шли далеко от селения. Все, кто мог держать лук со стрелами, копья, ушли сражаться. Вот уже и реки потекли кровавой водой...

В селении, в землянке Куйкиняку, у Зининавут начались роды. Она родила мальчика - долгожданного сына. Рос он прямо на глазах у всех. Еще не встало солнце, а он стал уже юношей. «Мать, дай мне мою одежду, военные доспехи - лук, стрелы, копье. Пойду на помощь к отцу». Оделся. Взял копье, лук со стрелами. Поднялся вверх по лестнице землянки. С высоты, посмотрев, пустил он из лука стрелу, а сам вслед побежал бегом на поле битвы.

Воины все замерли, перестали сражаться, потрясенные – удивлялись увиденному: юноша в красивой белоснежной замшевой одежде бежал впереди стрелы. Поймав стрелу, громко крикнул: «Тихо! Стойте все, слушайте, мне нужно увидеть своего отца». «Кто это? Может, это мой сын или внук?» – так подумал каждый. И закончилась война на все века между племенами.

С тех пор жили дружно, в мире и согласии, помня закон родства. Запрещена вражда между родственниками». Пока Лэкэфу рассказывала, закончили дошивать кухлянку, она была вся украшена. Кайзи с сыном, собрав свои инструменты, смотрели на свое готовое изделие.

– Надень кухлянку, Амчех, – попросил брат сестру.

Свадьба Амчех

Рассказ записан по воспоминаниям Веры Кайзевны Амчех.

Лэкэфу ждет сестру Ав'зин, которая приедет с мужем Хагале - и с родственниками на оленях. У Ав'зин и мужа большой личный табун. Хагале взял Ав'зин в жены с личными оленями, которые были у матери Кыяв'наут.

Девочки сидят притихшие в землянке. Вот настал день Амчех - она стала невестой. Сегодня она уйдет в другой дом, в другую семью. Ипин шепчет сестре Амчех на ухо: «Ты же бегаешь лучше всех! Помнишь, на празднике Нерпы?»

Амчех вспомнила. На берегу моря после отлива собралось все селение Микино посмотреть на бег мужчин до Лынлычико и женщин до Ойнеле. Бежали все вместе. Вот тогда-то Амчех услышала от юноши Пкеле: «Догоню. Ты будешь моей». Она бежала, обгоняя всех, до Ойнеле и обратно до Микино. Они с сестрой Ипин делили первое место...

Мысли оборвала Ав'зин. Спускаясь вниз по лестнице, она причитала: «Ой, упаду, рассыплюсь! Ловите меня!» Вначале упал мешок с подарками, потом с шумом спустилась Ав'зин. Лэкэфу обняла сестру, Девочки подбежали к тете. Ав'зин, присев на корточки возле мешка, стала вытаскивать гостинцы; пыжиковую шапку для Ипин, выделанные шкуры для Лэкэфу, черные камуса для Кутаны, Амчех - готовые торбаса: «Одевай!» В руках у Ав'зин остались замшевые веревочки, на концах которых висели бусы и пиняку (украшения из нерпичьих шкур).

Посмотрела на Амчех - она стояла посреди дома в новых торбасах, в кухлянке и улыбалась.

Ав'зин отдала ей праздничные завязки, сказав: «Всего тебе хорошего». Лэкэфу завязала праздничные замшевые завязки на рукава, пояс, шею Амчех (жених должен догнать и снять эти завязки, только после этого он сможет взять её в жены).

Амчех медленно поднималась вверх по лестнице дома. Поднявшись наверх, она закрыла глаза, ослепленная весенним солнцем. – Оно светило ярко, сверкал белоснежный снег, Кайзи помог дочери спуститься вниз на землю.

Впереди Амчех стояла вся шеренга её родственников, напротив - улыбающийся Пкеле.

Амчех побежала. Оглянувшись назад, она увидела стоявшего и улыбающегося жениха Пкеле внимательно смотрел: в какую сторону она побежит, чтобы бежать по самой короткой дороге и ждать невесту, пока она добежит. На помощь Пкеле вышли его родственники, давая возможность жениху оторваться.

От родственников невесты, которые его не выпускали. Он вырвался и побежал в совсем другую сторону, чем озадачил всех. Куча мала, хохочущая, возилась в снегу, не давая никому подняться. Кто-то лежал, кто-то выползал, отряхиваясь и неудомявая: «Мытзаклааквин?» (Что мы делаем? Куда бегут? За кем? Они же в разные стороны по бежали!).

Амчех бежала подальше от села, вначале обогнула сопку, а дальше на Кавзагичгын. Пкеле догадался, куда она побежала, и напрямую помчался на Аппапель («Дедушка»).

Прибежав на святое место, положил инелвет и стал ждать. Пкеле вспомнил, как впервые приходил он с дедушкой Кесгитвела после удачной охоты. Вспомнив его, Пкеле подумал: «Дед, я женюсь. Вот и моя Амчех». Она бежала прямо к нему, «Кто это? Пкеле? Откуда, он здесь?» - остановившись, не могла отдышаться и понять, как он догадался. Пкеле стоял и улыбался, в руках держал её праздничные завязки, «Когда снял?». Пкеле стоял и смотрел на нее: вся голова (волосы, ресницы) сверкала белым инеем. Взяв ее руку, он положил ей праздничные завязки. Амчех медленно склонила голову ему на грудь.

Так они стояли у природного алтаря, как их предки. Его никогда не изображали, к Нему обращались только в самых важных случаях, сосредоточивая свои думы о самом сокровенном, спрашивая себя, сверяя свои мысли и поступки.

Вся многочисленна, родня, увидев Амчех и Пкеле у священного места Аппапель, оставила их одних. Им надо решить: в каком доме будет праздник (у родителей Амчех или у Пкеле). Свадьба Амчех и Пкеле совпала с празднованием Кильвей. Завтра будут гонки на оленях, на собачьих упряжках, в каждой семье будет звучать свой родовой бубен.

Матвей Долган

Долган Матвей Петрович (24.03.1976 г. – 28.03.2004 г.), эвен. Родился в с. Аянка Пенжинского района. Записи творчества Матвея нам, специалистам центра народного творчества, приехавшим в фольклорно-этнографическую экспедицию в с. Аянка, дал его отец Долган Петр Мартынович. Матвей прожил недолгую жизнь, но он оставил своим родным записи своих стихов, легенд. Матвей окончил педагогическое училище в пгт. Палана и получил диплом преподавателя родного (эвенского) языка. Во время учебы он активно участвовал в культурной жизни пгт. Палана: играл на гитаре, читал стихи, танцевал в корякском ансамбле «Взем».

После окончания училища Матвей работал в корякском центре народного творчества в пгт. Палана, а затем вернулся в родное Пенжино и окунулся в жизнь сельского дома культуры. Знание традиционной культуры, жизни и быта коренных малочисленных народов Севера, помогли Матвею в его работе в сфере культуры. Да и в окружном центре народного творчества он получил большой опыт работы по собиранию и обработке фольклора коренных малочисленных народов.

Мы предлагаем на ваш суд, суд наших читателей пока только одну легенду, которую написал Матвей. Она конечно не совершенна, но в ней заложены прекрасные чувства и любовь к родному народу.

Сказка-легенда дядюшки Твена Яхоя – Уямканского (Матвея Долгана)

О шамане ламутском, Уямкане Эңие, шамане Чаутском

По рассказам моей мамы, Прасковьи Мартиновны, когда-то у её родственников был шаман по имени Уямкан – горный баран, который за лечение не брал дани, а лишь правый олений глаз. Как-то ему не дали «ясалу» (глаза), и у шамана на правом глазу появилось бельмо, так и стал старик одноглазый. Однажды без вести пропал добрый шаман, куда он делся, никто не знал. Некоторые говорили:

- Его съел медведь-шатун!

А кто-то говорил:

- Уямкан продал душу свою Ариңкаду (дьяволу), вот поэтому исчез.

Были люди, которые утверждали, что превратился шаман в скалу, якобы видели в верховьях Пенжины. Так и домысливали исчезновение доброго старика, пока не забыли.

Вот и я удосужился, сделал попытку, с позволения Духов древних кострищ, войти в «прошлое», как на машине времени туда, где это было. Войти в жизнь прадеды, узнать: что он думал? О чём мечта? Как жил?

Невыносимо стало больно за Уямкана Эңие, тяжело, будто и я превращаюсь в холодный камень. Редкими ночами просыпаюсь в липком поту со слезами на глазах, и хочется крикнуть: Дядя! Прости, что не родился тогда! Касиат, тала ай бидли!!! (Пожалуйста, «тале» будь счастливым!)

Вот и родилась своя легенда, в одну кошмарную ночь, словно «бесы» в меня вселились, 22-23.X.2001г. в Палане, а 3.XI.2002, наконец, отредактировал в Каменском.

Прости, что грешу белостихотворством, просто это чисто эвенская натура – сочинять без рифмы. И православные, будьте снисходительны к моему рассказу

Уямкан Эңие – Баран сильный, хаман Чаутский – Шаман арканистый.

(эвенские слова даны на аянкинском диалекте, охотско-ламутском говоре).

Посвящаю Евдокии Прокопьевне Уяган
И Мартыну Николаевичу Долган, моим
Ушедшим в Верхний мир, предкам...

Песня I

По тундре кочую!

Хорошо! Хоч – хоч!

Песню свою пою!

Мой олень! Поч – поч!

Дэтли нулгэрэм!

Ая, хоч – хоч!

Икэму, би няярам!

Мин орми, поч – поч!

По расширокой тундре

Раздается песнь!

Это всадник Нуре (имя мужчины)

И его олень.

Всадник счастлив!

Ох, он счастлив

Я хороший

Теперь сердце

Не болит,

Очень здоровым буду.

Би ай бишем,

Тек мявми

Эсни бутэнни,

Хо абгар бидим.

Радость тела –

Без червя!

Заболела

От чирья!

Вылечил шаман

Ламутский,

Эңие, Хаман

Чаутский!

Уямкан Эңие

Изведёт истерие!

Плонет на ладонь,

Пропадёт из уха вонь!

Тронет лоб,

Уйдёт озноб!

Пятки пощекотит,

Паралич уходит!

Очо – тчой,

Ламут святой!

Ойчичой,

Ламут герой!

Песня II

плохой человек

Люди не знают
Ноги мои
болят

Люди не знают
Руки мои
болят

Уямкан Эңие,
Шаман Ламутский.
Не берёт он дани,
Хаман Чаутский.
Лишь только уходя,
Садясь на Гулендя (кличка оленя).
Дают глаза оленьи,
За прошедшие болезни!

Старик — эвен,
Из таёжных дебрей.
На белом
Приехал олене,
С песней!

Старик — эвен,
Милей и добрей
Его нет!
А раньше Уямкан
Был бережливым,
До жути ленивым!

Ой — ёей!
Кэнели бэй,
Слышал ламут
От родных,
И лукавенько, плача,
И взглядом небо лаская,
Вещал:

- ибдири эсни хар
Бодэму минңи
Бутэнни....

Жалел себя бэй (мужчина)
И горькой слезой
Себя умывал.
И руки свои целовал:

- ибдири эсни хар
Җалу минңи
Бутэнни....
На бочок
Повернувшись,
Дремал,
Свернувшись червём,
Зевал:

Люди не знают
Глаза мои
болят

- ибдири эсни хар
Ясалу минңи
Бутэнни....

И засыпал
А однажды
На редкой рыбалке
Он в реку упал

И стремнина воды
Прямоком его уносила
Ко дну

- О боже, смилуйся,
Я понял, ноги мои
От лежання
Болят!

Но наш герой
Под древесный залом,
Будто силком

Во чрево реки,
Нахлебавшись воды,
Уходил:

- О боже, смилуйся,
Я понял, руки мои
От безделья
Болят!

Но дух Окат (реки)
В пережат
Бережливого
Тащит:

- О боже, смилуйся,
Я понял, глаза мои
От досыпа
Энэ-э-э! (больно)

Впился в бэя
В глазницы
Мусор древесный

И река всё скорее
От границы
Жидко телесной

К берегу, волоком
Ленивого крепко
Швыряет.

Страшно — кошмарно
Зябко — неловко.
Ариука (дьявол) попутал,
Ночью окутал
Глазки мои!

На длинной косе
Герой проснулся
В траве

- Эвэй — дэ — эбэй!!!
Криком ответила
Тундра далёко.

Опасно — напрасно,
На сколько вот только,
Ариука надумал,
Тьмою закутал
Глазки мои?

О боже, смилуйся!
Я жизнёнку свою
Людям отдам,
Но дай — ко
Мне зрение —
Глаз песнопение!

И когда человек,
По — паучьи, (эвены в древности
поклонялись пауку, считая его богом)
Три раза сказал

Неожиданно с небес
Упала слеза,
Но не видит
Бедный «бэе»
Хмурых туч

И громогласно
Соверху
Сорвались слова
И чувствует луч,
Исходящий святой.

Бережливый слушай,
Сейчас ты не плохой!
Ленивый смотри!

Птитичка,
Иди ко мне!

Одянан долчиме,
Тек, хи эсни кэнели!
Бан, коетли!

Гэ, Хэвки!(о боже)
Вернулось оно!
Вон лиственница
Нежит кусты берёзы

О, Хэвки, эро-о-о!
Божия птичичка
Летит от грозы,
Ищет спасения!
Кэчилкакан,
Эмни эвэшки!

Ко мне ты лети,
Не дали тебе сгинуть,
Спасу, огражу
От беды!

И птица масенька (маленькая)
На руки села,
Внезапно прозревшему

Притихшая касенька (красивая)
Немного запела,
Внезапно прозревшему

Человек,
Будешь Великим
Шаманом Ламутским!
Будешь Великим
Хаманом Чаутским!

И имя тебе — Уямкан!
И имя тебе — Эжие!
Лечи всех людей,
Всех не друзей

Помогай, защищай,
И от войн сберегай,
От копытки и мора
И любого раздора.

И вдруг масенька

Кэчилкакан,
Эмни эвэшки!

Ввысь полетела.
И в чащобе касенька
Как-то исчезла

И солнышко полненько
Из-за облака
Смотрит,
Смеётся.

И песня
Маленькой птиццы
За спиной раздаётся:
Птитичка,
Иди ко мне!

Ко мне ты лети,
Не дам тебе сгинуть,
Спасу, огражу
От беды!

И птицца масенька
На руки села,
Внезапно прозревшему.
Притихшая касенька
Немного запела,

Внезапно прозрешему:
Человек,
Будешь Великим
Шаманом Ламутским!

Будешь Великим
Хаманом Чаутским!
И имя тебе – Уямкан!
И имя тебе – Эжие!
Лечи всех людей,
Всех не друзей

Помогай, защищай,
И от войн берегай,
От копытки и мора
И любого раздора.

Эжие! Уямкан!
Уямкан! Эжие!
Не бери за лечение
Дани,

Песня III

Солнце гори,
Свою песню пой,
Я с тобой попою

Песня IV

Болезнь уходи!
Мой бог, дай!
Детям здоровую жизнь,
Дай!

А бери за прозрение
Оленьи... глаза...

И с тех пор,
Из стойбища, в стойбище
Из тундры до гор,
До любого становища

Ехал
На единственном
Белом олене,
Эжие!

Пел древние песни,
Ворожил
Над больным.
Ночами шаманил,
Наш добрый
Уямкан.

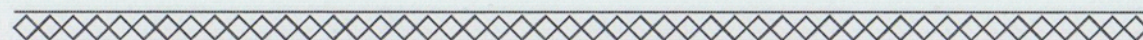
Нёльтэн, гулунли,
Имкэму няяли!
Би хиннион икэдим!

Заря на радужный танец,
Неспешно с песнею Ворона
Перешла и ему подпевает
А эвенский шаман
В горячие легкие
Вбирает натужный вздох

Уставший Хаман
Лечит нелёгкие напасти
У маленьких крох,
Чукотских детей

Бутэн, хорли!
Хэвкэму, боли,
Куналду ини абгару,
Боли!
Хорли! Бутэн!
Час! Час!
Чус! Чус!

Третьи сутки
Умкан камласт.

Четвёртые сутки
Эңие ворожит

Пятые сутки
Заря за холмами
Подпевает невесело
Ворону.

Сутки шестые
Солнце краями,
Лучиком чрез дымоход
Рванной юртишки.

Чудит...
Тихо.
Синие сумерки
Ложатся в лесу.

И где-то не спится
Старому Ворону
Хэвки, аймаг!
Хэвки, аич!

Бог, как раз!
Бог, вот так, хорошо!

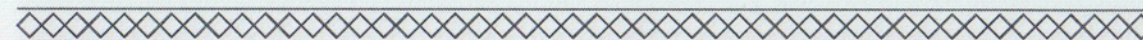
В древности эвены гадали по
сухожильным ниткам. Завязывали нитку,
если человеку судьбой предначертано
выжить после болезни, она развязывалась
сама и шаман смотрел на упавшие
нити и по линиям гадал какова будет
дальнейшая жизнь человека.

У изголовья детей,
На палку,
Сухожильными нитками,
Узелок завязал.
Завтренько, раненько,
Они развяжутся сами витками,
И хумкав (нитка) нам скажет,
Всю жизнь вашу

Костер.
Жарко.
За рванной юртишкой,
Ветрище лиственницы гнёт.

А детишки резвятся,
Хохочут, играют.
Шумно. Не жалко,
Тянуть старикашку за нос.

Как он,
Дурашливо,
Хрипло,
Поёт.

Ох, не балуйтесь.
Надоели!
Я сейчас посмотрю,
Что нитка скажет!

Бог, ты спаситель!
Твоей помощи спасибо!
Родители домой зайдите!
Ваши дети здоровы!

Хорошо,
Уямкан Эңие,
Ты сильный,
Шаман!

- Рольтын, зачем?
Будь хорошим! Детей целуй!

Шевеленье — чукчи в древности качали

Эро, эдилрэ! Харалдукирэ!
Уруне!
Би тек коетнэдим,
Яв томкачаву гондин!

На шкуре оленьей
Лежат узелки,
И будто нарочно,
Их кто-то сорвал с жердины...

Хэвки, айчимжа! Бисинри!
Хин айчинду пасиба!
Амтил, дюткий илилрэ!
Хун куналсан абгару биддэ!

Быстро зашли родные детишек.
С кликом наивысшего счастья,
Словно ждали спасенья мальчишек
Огромную вечность.

Ай,
Уямкан Эңие,
Хи хавай
Хаман!

Но нет у Рольтына глаз оленьих!
Поклонился поседевший чукча,
- Нет у меня стада!
Прости брат!

Отдам свою жизнь
Тебе, если надо!
- Рольтын, ядусе?
Ай бидли! Куналбу гудели!

И выехал Эңие
На Гулендя, с песней зари,
И на гору взойдя,
Глаз правый ослеп.

А шаман Ламутский весело пел.
Хаман Чаутский бодро потел.
А из ослепшего глаза,
Висела слеза, как гроза.

Глаз ослеп
- олений вставлю.

мышцы рук и ног шевеля камни, валуны.

Песня V

Хонинтай, Хоникан, Холуни!

-

Кусилэр!

Брату Рольтыну оставлю силу!

Нет огорченья, нет шевеленья.

У древнего старца три сына,

Побеждающий, сильнейший, оживающий

Три борца –

Воины

Хонинтай ударом ноги

Скалы крушит.

И лиственницы

Взглядом терзает.

Хоникан кулачищем всех победит,

И грозные ели

Руками ломает

Холуни младенным лицом

Мертвым силам велит,

И ушедших,

Он оживляет

Братья живут.

Беспечно играют.

Три братца не знают,

Что значит кусин.

Кусин - война

Время пришло,

Старец дух испустил.

Но перед смертью прокашлял:

Живите хорошо!

Ай бидлилрэ!

Но на братьев

Нашло хакарил.

И каждый пролаял:

Минңи буглав, исачу минңи!

Сумасшествие.

Моя земля, лес мой!

Хонинтай Хоникана

Бьёт железно унтами.

- яду мину кусинни?

Холунив батакли!

Зачем меня бьёшь?

Холуни бей!

Хоникан стальным кулаком

Холуни шлёпает.

И младый

К болоту летит.

Сейчас я тебя убью!

Ножом зарежу!

Сейчас как

Задую!

Братья не надо!

Наш отец ведь сказал!

Живите хорошо!

Живите хорошо!

И земля крупнощёкая

Испугалась.

Ором тысячью птиц

Застонала.

- Тек би хину младим!

Хиркань учисиндим!

Тек хуну

Апкаччим!

Анун эдилрэ!

Аммун горин!

Ай бидлилрэ!

Ай бидлилрэ!

Бежал плачущий

Холуни.

К старшим братьям

И слезливо взывал.

Эй, Оживляющий,

Наскомое Холуни,

Пошёл ты навечно,

К бритоголовому Дьяволу!

Каждый орал.

И свирепο напали,

Братья на младшего

Холуни!

Хонинтай

Стальным тесаком.

До сердца

Достал.

Хоникан,

Жильным жгутом,

Гортань

Замотал.

И режут, и душат

Младого ламута.

Вот и минута,

Они остудились...

Младший встань!

Холуни,

Нет, иллисе!

Холуни,

Зачем лежишь?
Земля холодная!

Яду дэсчинни?
Тору гялси!

Но Холуни
Мёртвый,
Чудесная сила
Ушла навсегда.

Оживляющий
Уже не порадует,
Взором
Ламской океан.

Холуни умер!
От братской
Вражды!
Холуни умер!

Тишина.
Недалёко речушка журчит.
Под ельными кронами,
Кровавые пятна смывает с себя.

Чив — чив! Холуни нет!

Тишина.
- Чив — чив! Холуни ачча!
Испуганно птичичка,
Вдруг запела вдали.

Тишина.
Где-то девушка,
Слезам солёными,
От горя вконец изошлась.

И родился ручей
По имени Холуни.
- Мэ — мэ!
Холуни ачча!

Зарёванно ходит
Медведица.
И роет с детишками
Яму — берлогу.

Дождь закропил,
Град закрошил,
Ветроган запуржил,
Закружил.

Зима (раньше зимы не было, наступило
первое оледенение)

У-у! Холуни нет!

Младший умер! Кто нам поможет?

Я помогу,
Вам пособлю!

Место оживания богатырей

Мышка

Уямкану оленье

И в тундру
Впервые взошла,
Хозяйка —
Белая Тугэни.

- У-у! Холуни ачча!
Завыл волкодав.
И хвост трусливо поджав,
В тайгу убежал.

И с той поры
Появились
Лесные собаки.
Свирепые волки.

- Нас прости!
Хонинтай кричал.
- Брагишка очнись!
Хоникан небу внимал.

Нет кокарин!
Ѓи мунду бэльдин?
Братья кричали
- Пи-пи! Чак — чак!

Би бэльдим,
Хунду айнуттим!
Из коряжины мышка,
Пискало вещает.

Есть место такое,
Называется Холаунка,
Там живёт Эңие,
Средь лиственниц строгих.

Он излечит плохое,
И разбудит покойных,
На горной, большой
Вершине.

И, вдруг, чамакчан
Исчезает тихонько,
Лишь только
Братья слышали

Уямканду орали

Глаза дайте!
Уямкану оленье
Глаза дайте!

Песня VI

Ясалу бодис!
Уямканду орали
Ясалу бодис!

Морозно в лесу,
Но братья идут.
Холуни на лиственничных
Ручищах несут.

В тайге
Друг за дружкой,
Братья бредут.
И Холуни нежно
Несут, берегут.

На сопках падут,
Но всё также ползут.
На спинах своих
Младого несут.

Ох, устал!
Хоникан иди!
Ох, устал!
Хонинтай иди!

- Эро-о-о, хэтгэм!
- Хоникан чиркали!
- Эро-о-о, хэтгэм!
- Хонинтай чиркали!

Песня VII

Вы кто?
Сильные воины,
Хонитай, Хоникан – да?
Зачем младшего убили?

Ху җие бисес?
Эҗир кусилэр,
Хонитай, Хоникан – да?
Яду нөв марирэ?

Я вашего отца
Знал!
Что он сказал?

Би хун амансан
Харив!
Яв ноҗан гөрин?
Ай бидлилрэ...

Шаман Ламутский,
Хаман Чаутский.
Богатырей накормил
И спать уложил.

А Холуни,
На шкурке,
телячьей,
Ольхой обложил

Призрак! Волк!
Беда! Страдание! Смерть! Дьявол!
Чёрные силы!
Придите! Придите!

Песня VIII

Зашептал Эҗие –
Одноглазый Бэе.
И странную песню
Он духам запел!

Чурилан! Җәлюкин!
Хилус! Олус! Көкэн! Ариҗка!
Хатар Эҗие!
Эмнилрэ! Эмнилрэ!

И молнии стрелами
На Уямкана пали.
Искры!
И умер Шаман!

Эҗие,
Дух испустил.
Уямкан Ламутский
Чаутский хаман.

Темень.
Будто глаз последний ослеп.
Бубен,
Страшно где-то стучит.

Свет далёко, далёко...
Лететь мне туда.
Туда – тко!
Туда – тко!

Уямкан,
Как оказался
Ты в мире
Загробном?!

Не пришло
Ещё время
Твоё,
Уходи!

Помоги мой
Покойный прадед!
Холуни там!
Нужен он нам!

Не будет тогда
Весны и лета всегда!

Наступит беда, все люди уйдут
К вам, в потаённый мир!

Лети, но слушай!
Душу свою ты дьяволу отдашь!
Пожертвовал этим
И потом не ропщи!

С этой поры нет тебе места
В Верхних мирах,
А право получишь
Лишь в Нижних мирах.

Знаю.
Готов.
Я душу
в жертву отдать

Темень.
Будто глаз последний ослеп.
Бубен,
Страшно где-то стучит

Свет далёко, далёко...
Лететь мне туда.
Туда – тко!
Туда – тко!

Возглас, выражающий испуг, удивление.
Имеется ввиду «Греховная река» по
Библии, так называемое Чистилище

Эбэв!
Вдруг Эние оказался в реке,
В вязкой, как испражнение
Человеческих нужд.

И Уямкана тянет,
Кто-то в воде,
Ему помогает
Плыть...

Ты кто?
Я призрак!
Почему помогаешь?
Я твой ангел.

Ѓи бисинни?
Би чурилан!
Ями бэллени?
Би хин этунси.

Мы долго будем плыть?
Нет, недалече...
Шаман, меня слушай, ты там ничего не
пей!

Мут гору тяматтип?
Эсни далила...
Хаман мини долчили, хи тала явда эди
көлкил!

Мой призрак, наверное послушаю тебя... Чуриламу, иуэ-ту...

Переплыли они
Греховную реку,
И призрак,
Исчез.

А одноглазый герой
Дальше пошёл
По чёрной земле,
Утопая в грязи по колено.

У – у!
Раздался вой Волка,
Эхом ответили
Непонятные горы.

Здравствуй человек,
Иди ко мне, не бойся!
Я твой ангел – Волк!
На меня садись, дальше поедem!

Дорова, бэйкэкэн,
Эмни, мину эди нэлькил!
Би хин этун – Ѓэлюкин
Миндуле тэгме, часки нэндип!

Лёгким ветром
Волчище бежит,
Оставляя вдали
Серые скалы.

Океанской пургой
Волчище летит,
Прыгая меж
Прыжками.

Уже позади
Селенья непонятных существ,
Уже позади
Земли дивных чудес.

Шаман, меня слушай,
Ты там ничего
Не ешь!
Спасибо, мой Волк!

Хаман, мину долчили,
Хи тала явда
Эди дебкил!
Пасиба, Ѓэлюкаму!

У юрты – горы
Остановились они,
В волчище исчез
Тот час же.

И одноглазый Бэе
Дальше пошёл,
К пещере,
Виднеющейся в скалах.

-Уямкан, подожди! Здравствуй дед!
Ты кто?
-Я не знаю, кто, люди называют меня
«Беда и страдание».

Мне поможешь?
-Не знаю? Я плохой дедушка,
мой бог – дьявол...
Ох! Дедуля вместе пойдём...

-Уямкан, алатли! Дорова, этикэн!
Хи џи биссини?
-Би ассапар џи, ибдири гөватта:
Хилус, Олус – да.

Мину бэльдинни?
-Асапар? Би – кэнели этэ,
мин Хэвки – Ариџка!
Эрэ-э-эй... Апа, гиркаддип...

Зябко в пещере, мокрые стены.
Путей многовато,
Куда им идти,
Не знают они.

Эџие, туда-тко идём!
Чую сладость свою!
Неужели плоды моих подвигов
Увижу сейчас!

Мрачно в пещере.
Как кровавые вены, много дорог,
Словно паучьи нити пролегли
К Нижним мирам...

Родители, меня
Отсюда заберите!

-Эньтия, мину
Эргич гадилрэ!
Льёт на себя, горящую воду,
Человек, приросший к скале.

Жарко.
Пахнет мясом палёным.
Страшно.
Хлещет тело своё водицей калёной.

-Человек,
кому ты в угоду,
Поливаешь
водицей себя?

-Эџие, он три жизни, - дедуля хрипел,
Любил через, чур мухоморы,

А здесь не бывает
дурманных трав.

-Уямкан Ламутский
Хаманкан Чаутский, -
И грешник заплакал, завыл:
-Я слышал, ты лечишь людей.
Помоги и мне,
Жаждающему...

Выпей водицы,
Может этим
Ты выручишь
Душу мою!?

Хорошо, помогу!
Не пей

- Ай, айнуттим!
(Эди көлкил!)
Ой, грешный
Твоей воды.

Я не выпью!
Поймёшь, в чём вина твоя,
Тогда и уйдёшь ты
К Верхнему миру!

Дальше Уямкан
С Бедой побрели.
- Эџие, туда-тко идём,
Чую пресность свою!

Сидит толстущий мужик,
Укутанный в тысячи шкур
И ест, огромные камни.
Смрадом наполнена
Большая пещера.
Градом бульжники катятся в рот ему.

Эй, Круглый,
Зачем оделся
Огромно?
Зачем-ко камень
Жуёшь?

-Эџие, он три жизни, -
Несчастье пропело,
Был жаден, любил поесть
и поспать, не замечал голодавших.

Хорошо, помогу!
(не ешь)

И отбирал
У молодых пастухов
Прекрасных
Девчат.

- Уямкан Чаутский
Хаманкан ламутский, -
Грешник заплакал, завыл:
- Я слышал, что лечишь людей,
Помоги и мне,
Изголодавшему.

Съешь еду мою,
Может этим,
Ты выручишь
Душу мою!?

- Ай, айнуттим!
(Эди дебкил!)
Ой, грешный
Твоей я еды,

Трогать не стану!
Поймёшь в чём вина твоя,
Тогда и уйдёшь ты,
К Верхнему миру!

Дальше Уямкан
С Бедой побрели.
- Эңие, туда-тко иди,
Чую солёность свою!

Пойдёшь ты один,
Ждёт тебя Холуни
У царя моего – Бритоголового,
Аринкала – Дьявола.

Но помни, шаман,
Слова праотца,
После потом
Не ропщи!

Стареющий дедушка,
На дрожащих ногах захромал.
Седеющий дедушка,
Вслед шаману шептал:

- Ты там не бойся
И не спи!
- Спасибо дедушка,
Беда и Странствие!

Песня IX

Бог,
Мне помоги!

- Хи там эди
Нэлькил, хукиэкил-дэ!
- Пасиба, этикэн,
Хилус, Олус-да!

Огонь! Гулун!
Төг! Пожар!
Яма ядодышащая
Лижет костром мостик древесный

А надо,
Как нужно его перейти!
- Хэвки,
Минду бэлли!

Три раза сказав,
И закрыв зрячий глаз,
Уямкан на дерево шагнул.
- Шаман одноглазый,
Оглянись, посмотри, мы твои ангелы!
Ха – ха! Ха – ха!

- Открой глазки пошире,
Ох, они уж узки!
- Дурачок, уподи!
- Сумасшедший, у нас хорошо!

- Телесная близость с женой
Покажется далёкой, ненужной.
- Уподи! Уямкан Эңие, уподи!
Приди к нам! Охо – хо!

По шатающейся ветке,
Сломаться готовой,
Идёт
Эңие Уямкан!

А из огня
Страшные призраки,
Кричат, орут,
Мешают идти.

- Хэвки! Боже!
Хэвки! Боже!
Ух, перешёл!
Чудо, Хэвки спасибо!

Песня X

Зелёная тундра,
И синяя речка открылись ему.
А рядом олени
Беззаботно пасутся.

Рядом юртишка.
А запах прекрасный,
Варёного мяса,
Из далёкого детства.

Кашлянув хрипло,
И топнув ногою,
В жилище зашёл,
И, удивился!

Снаружи невзрачна,
Мала и крива,
А огромна внутри,
Как предзакатное небо!

И одноглазый бэе
Видит его,
Ариука
Бритоголового.

Вместо глаз
Зияют чёрные дыры.
Рот напичкан зубами,
Как сабли они.

Пальцев тринадцать
На каждой руке.
Короткие ноги,
А ступни – копыта.

Хвост соболиный
Свисает и пляшет.
И запах со рта
Медвежий, противный.

- Здравствуй, Уямкан Эүие!
Зачем пришёл?
- Здравствуй, Дьявол!
Холуни забрать!

- Ха! Дурак, шаманишка,

- Дорова, Уямкан Эүие!
Яду эмрис?
- Дорова Ариука!
Холунив гадидай!

- Ха! Таял, хаманкакан,

Ты меня знаешь?
- Знаю!
Холуний отдай!

- Вперёд посмотри!
Где твой Холуни?
Где?!!!
Где?!!!

- Сумасшедший, Холуни ищи!
Найдёшь – заберёшь!
Нет, ты с ними
Сядешь!

Призрак! Волк! Беда! Стрдание!
Жизнь! Бог! Белые силы придите!

Ой! Больно!

Хи мину ханни?
- Харам.
Холунив боли!

- Дюльт экий ичисли!
Иле хин Холунија?
Иле?!!!
Иле?!!!

А там...
Не счесть миллионов душ
Края взглядом не сомкнуть,
Все сидят к Уямкану спиной.

- Орами, Холунив гэлетми!
Бакчинни – гадинри!
Эсни, хи ноңартаннион
Тэгденни!

Горько Уямкану,
Но ясно он думает:
Да будет весна
В мире Срединном!

Захоркал оленем,
и рыком медвежьем:
Чурилан! Нэлюкин! Хилус! Олус!
Ини! Хэвки! Галтаняр энир Эмнилрэ!

Яркие молнии
стрелами
На Уямкана,
Холуни пали.

Искры, и чьи-то руки
Их схватили в охапку.
Из Нижнего мира их мигом забрали.
- Эбэв! Эне – е – е!

Темень.
Будто глаз последний ослеп.
Бубен.
Страшно где-то стучит.

Свет далёко, далёко...
Лететь нам туда!
Туда-тко!

Туда-тко!

А наш мир Срединный
Просыпался.
От первой Белой
Зимней спячки.

- чив-чив!
Холуни живёт!

- Чив — чив!
Холуни биддэн!
Радостно птичка
Запела вдали.

- Мэ-мэ
Холуни живёт!

- Мэ-мэ!
Холуни биддэн!
Голодно зевает медведица
И с детишками по тундре бежит.

- У-у!
Холуни жив!

- У-у!
Холуни биддэн!
Завыл волкодав,
И сгорбтившись, скрылся в лесу.

- Проснись, Хонинтай!
Хоникан, вставай!
Ваш братик жив!
Холуни живёт!

- Мэдэсли, Хонинтай!
Хоникан, илли!
Хун нөсан биддэн!
Холуни биддэн!

Да будет Весна!
Да будет лето, иногда!
Но всё же будет
Осень и зима!

Разбудил батырей
Одноглазый бэе.
Обнимаются братья,
И плачут счастливо.

Сутки земные
Ищет Уямкан
Холуни,
И не может найти.

Сутки шестые
Ищет Уямкан
Холуни
И не может найти.

Уямкан,
Хаман!
Хорошенько поспи,
А завтра поищешь.

- Хорошо...
Посплю...
- Не бойся
- Не спи!

- Хоровод! Хоровод!
Холуни! Холуни!
Хоровод! Хоровод!
Холуни выйди.

На весёлый круг!
Хоровод! Хоровод!
Холуни, мальчик,
Где ты?

Точит голод желудок
Жарит жажда язык
Сутки седьмые
Ищет Уямкан
Холуни
И не может найти.

Веки слипаются,
Клонит ко сну...
- Уямкан,
Хаман!
Аймакань хуклэсли,
Тимина гэлтнэдини!

- Ай....
Хуклэдиле...
- Эди нэлькил!
- Эди хуклэкил!

Нет, не усну я.
Ариңка,
Не боюсь я тебя!
Не боюсь я тебя!

Не возмёшь ты измором
Злая душа!
Я найду Холуни!
Я найду Холуни!

И запел наш Эние
Песню радости, счастья,
Тепла и добра:
- Хэде! Хэде!
Холуни! Холуни!
Хэде! Хэде!
Холуни хэбдекэдектэки.

Эмни!
Хэде! Хэде!
Холуни, няриккан,
Эле бидинри?

И вдруг где-то блеснуло
Чьё-то лицо
В океане
Сгорбленных тел!

- Ох! Холуни!
Счастье – Бог!
- Шаман нашёл!
Ты победил!

- Эрой! Холуни!
Нес Хэвки!
- Хаман, бакрис!
Хи танрис!

И песня живительная
Из уст полилась,
Это Холуни
К Уямкану
Птицей летит.

Обнялись,
Как старый отец
С маленьким сыном,
Разговорились.

А Дьявол,
Их слушал,
И ехидно
Мурлыкал:

- Эние, слушай!
Умрёшь, назад
Придёшь!
Ты теперь мой человек.

- Эние, долчили!
Көкэдинри, амаски
Эмдинни!
Хи тек мин бэй бисинри.

Люди, домой
Летите,
Я немного устал!
Я немного устал!

Ибдири, дюткий
Дэглилрэ,
Би хэттэм!
Би хэттэм!

И вышли герои,
А там,
Дерьмо грешных дел!
И небо – красная кровь.

И речка,
Непонятное месиво!
Жуть!
Адская муть!

Уямкан Эние
Изведёт истерие!
Плунет на ладонь,
Пропадёт из уха вонь!

Тронет лоб,

Уйдёт озноб!
Пятки пощекотит,
Паралич уходит!

Очо – тчой,
Ламут герой!
Ой си – гой,
Ламут герой!

Спасибо,
Шаман Ламутский!
Спасибо,
Хаман Чаутский!

Но нет олешек,
Разбежались они,
Когда мы греховно
Дрались в тайге.

Прости...
- Ай, бидлилрэ! –
Сказал Уямкан Эние, –
- Эдилрэ!

Даже с силами
Дьявола,
Всё миром
Решайте!

Ушли братья
С восходом
Бубнистого солнца
Домой.

И выехал Эние
На Гулендя
С песней зари
И на гору взойдя
Глаз левый ослеп...

Живёт старый Ёмэк
Чавчувенский тойон,
Любуясь красотами
Пенжины.

Есть дети и внуки,
Оленьи стада.

Никогда ни с кем не деритесь

Песня XI

Живут хорошо,
Чего ещё надо.

Но многолетняя дума,
Как злая заноза,
Сидит во сердце его.
И точит, и гложет ночами.

Его ли горькая сума,
Тяжелая ноша.
Болит во сердце,
Кровоточит и стонет годами...

- Чемот! Хватит! —
Однажды воскликнул Ёмэк
И внуков, он ночью собрал
- Слушай Олёкко.
Думай Келон.
Слушайте внуки,
Айя, Отото!

Когда-то давно
Были мои родители живы.
Не жадны, не ленивы.
Трудом они нас огромным кормили.
- Слушай Олёкко. Думай Келон.
Слушайте внуки,
Айя, Отото!

Напали на племя нымылане — соседи.
Наши братья.
Был голод тогда.
А они позарились
нашим маленьким стадом.
- Слушай Олёкко. Думай Келон.
Слушайте внуки,
Айя, Отото!

Это был тойон
Нымыланский — Кываувын.
Был он другом отца моего.
Он ночью спящих, родных
Загубил. Наших...

А мать, умирая,
Меня родила.
Но Кываувын пощадил

Песня XII

Люди, пожалуйста,
Не деритесь!
Вы все
Хорошие люди!

И оставил меня.

И среди убитых,
Невинных,
Но выжил,
Я....!
- Пурга! Война! — вскричали младые.
Олёкко выхватил нож!
Келон поднял копье,
Айя доспехи надел,
Отото выхватил нож.

- Пурга нымыланскому племени,
Тойону Кываувыну! —
Шептал сумасшедший
Старый Ёмэк.

Уходили чавчужены
Разящей Пургой к нымыланам.
Семь ночей воюют они.
Восемь зарей дерутся они.

На девятый закат
Видят в гуще полomанных стрел,
И коченеющих стрел, старика,
Верхом на белом олене.

Звенят колокольчики.
Поёт незнакомую песню
Слепой, безглазый
Ламут.

- Ибдири, касиат,
Эдилрэ кусикэлрэ!
Ху эйду аил
Бэил бисэс!

Голод во всём
Виноват!
Не убиты были бы
Невинные люди!

- Ты кто, слепой
Ламутянин? —
Спросил старый Ёмэк.
- Откуда неизвестный пришёл? —
Спросил древний Кываувын.

Песня XIII

- Не вмешивайся, косямкын,
Оленный всадник! —
Крикнули
Юные воины.

Но противники уже не враги,
Сошлись на дрожащих ногах,
Обниматься, брататься.
Седовласые Ёмэк и Кываңвын.

Руки дружбы
Отдали они.
Породнились навечно
Племена старых вождей.

- Шаман, Уямкан,
Проси что-либо
За свои добрые
Слова!

- Не нужно мне ничего.
Лишь нет у меня,
Зрения —
Глаз песнопения.

- Помочь мы не можем.
Нет у нас сил,
Шаманских таких!
Сильных таких!
- Прощайте!
Живите, добром!

И выехал Эңие на Гулендя.
С песней Зари, и на гору взойдя,
Руки — ноги по-маленьку у него отнялись.
Тело стало превращаться во камень
холодный...

- Хэвки, спасибо, за мою
Длинную, светлую жизнь!
- Не ропщу,
что душу Дьяволу дал...

- Хэвки, спасибо, за мою
Былую, всемогущую силу!
- Не ропщу,

что душу Дьяволу отдал...

Хэвки, спасибо,
Но лишь сожалею, что людей оставляю,
И этот красочный мир!
И не ропщу...

И только, сказав, эти слова
Шаман ламутский
Вместе с верным оленем
Превратился во камень.

Но Хаман Чаутский
Сквозь камни трещины пел:
- Ибдири, ай бидлирэ...
Люди, живите счастливо добром!

Послесловие

... Человек, будешь на пенжинской
земле в долине любой реки, посиди у
подножия «Красной скалы» на холодных,
молчаливых камнях....
Человек будь Всепрощающим! Будь
истинным человеком! И помни о старом
эвене, не пощадившего душу свою, но
Уямкан Эңие в «Нижних мирах» был
прощён, и водворён на почётное место в
«Высшем мире».
... Человек, будешь...

Ночь, 22-23 октября 2001 года.
п. Палана КОЦНТ
закончена обработка 3 ноября 2002 года
с. Каменское РДК

«Из глубин земли Камчатки»

Фольклорно-этнографические экспедиция в Пенжинский район

Сборник разработан в рамках программы Камчатского центра
народного творчества «Земля моих предков»

Автор программы – О.В.Мурашева, заслуженный работник культуры РФ,
директор КГБУ КЦНТ

Составитель М.Е.Беляева

Ответственный за выпуск А.А.Сорокин

Корректор: Суменков С.С.

Дизайн-верстка: Бородавкин А.А.

формат - 64x90/16. Бумага 80гр/м2

гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4

Тираж 200 экз. Заказ №07/17

Отпечатано в типографии ИП Кузнецов, тираж 200 экз.

603136, г. Н. Новгород, ул. Ванеева, д. 227

info@fabrikapechati.ru